

Лорд Алджернон Митфорд

ЛЕГЕНДЫ О САМУРАЯХ

Традиции Старой Японии

Алджернон Митфорд

**Легенды о самураях.
Традиции Старой Японии**

«Центрполиграф»

УДК 82.34(5)
ББК 82.3(5Япо)

Митфорд А.

Легенды о самураях. Традиции Старой Японии / А. Митфорд —
«Центрполиграф»,

Сочетание военного дела с философией, политикой и искусством — главная традиция самураев. Отважный воин, утонченный поэт и вдохновенный художник, самурай в любой момент готов пожертвовать своей жизнью ради высших идеалов. В основе этого уникального явления лежит философия Бусидо (Путь воина) — гармоничное сочетание беззаветной веры, абсолютной преданности, самопожертвования, беспредельной искренности и способности ценить красоту во всех ее проявлениях.

УДК 82.34(5)
ББК 82.3(5Япо)

© Митфорд А.
© Центрполиграф

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПОВЕСТЬ О СОРОКА СЕМИ РОНИНАХ	6
ЛЮБОВЬ ГОНПАТИ И КОМУРАСАКИ	21
МЕСТЬ КАДЗУМЫ	35
ИСТОРИЯ ЭДОСКОГО ОТОКОДАТЭ,	47
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лорд Алджернон Митфорд

Легенды о самураях

Традиции Старой Японии

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предисловии к «Повести о сорока семи ронинах» я сказал почти все, что требуется для вступительного слова к этой книге.

Читатели, надеюсь, будут снисходительны ко мне, поскольку любой, кто был в Японии и изучал японский язык, знает, с какими огромными трудностями приходится сталкиваться.

Что же касается иллюстраций (черно-белых гравюр), тут я, по крайней мере, чувствую, что мне не за что извиняться. Исполненные изначально неким Одакэ, художником, нанятым мною, они были вырезаны одним известным в Эдо резчиком по дереву и, следовательно, являются подлинными образчиками японского изобразительного искусства. Господа Дэлзил после осмотра деревянных печатных форм указали мне, в качестве интересного факта, что линии вырезаны по прожилкам дерева в манере Альбрехта Дюрера и некоторых других мастеров средневековой Германии. Такая техника давно забыта современными европейскими резчиками по дереву.

Следует отметить, что в этих сказаниях сделаны очень слабые намеки на императора и его двор. Несмотря на прилежные поиски, мне не удалось найти ни одного повествования, где они играли бы заметную роль.

Еще одним сословием, которое не упоминается здесь, являются *госи*. *Госи* – это мелкие землевладельцы, или помещики, как принято говорить за границей, живущие на собственной земле и не находящиеся в вассальной зависимости от феодального господина. Их положение в обществе ниже, чем у самураев или служилых людей, и они занимают промежуточное место между этими сословиями и крестьянством. Как и самураям, им разрешено носить два меча, и они, как правило, зажиточные и состоятельные люди, претендующие на происхождение более древнее, чем у многих феодальных князей. Большое их число служит в личной охране императора, и именно они сыграли заметную роль в недавних политических переменах в Японии, как наиболее консервативный и античужеземный элемент нации.

За этими исключениями, я полагаю, все сословия должным образом представлены в моей книге.

Феодальная система растаяла, подобно туманной дымке, перед глазами тех, кто проживал в Японии на протяжении нескольких последних лет (до 1870 г.). Но когда они приехали туда, феодализм был в полном расцвете, и нет ни одного случая, о котором рассказывалось бы на следующих страницах (как ни странно это может показаться европейцам), намекающего на возможность или вероятность падения феодальной системы, чего самый компетентный судья не в состоянии подтвердить. Как доказывают последние события, ни героизм, ни благородство, ни преданность не перестали считаться идеалами у жителей страны. Мы можем порицать и яростно нападать на *Ямата Дамаси*, или Дух Древней Японии, который и сейчас жив в душе самурая, но не можем сдерживать восхищения от смертей-самопожертвований, которые люди до сих пор совершают во имя любви к своей стране.

ПОВЕСТЬ О СОРОКА СЕМИ РОНИНАХ

Книги, написанные в последние годы о Японии, были либо составлены из официальных фактов, либо содержат отрывочные впечатления заезжих путешественников. О внутренней жизни Японии внешнему миру известно немного: религия японцев, их суеверия, образ мыслей, тайные пружины, которые ими движут, – все это до сих пор остается тайной. Это и не удивительно. Первым европейцам, которые устанавливали связи с Японией, – я говорю не о старинных голландских и португальских купцах и священнослужителях, а о дипломатах и торговцах одиннадцатилетней давности – был оказан холодный прием. Прежде всего, местное правительство всячески препятствовало любым расспросам о языке, литературе и истории. Тот факт, что *сёгунат*, с которым исключительно поддерживались хоть какие-то отношения, поскольку *микадо* пребывал в уединении в своей священной столице Киото, понимал, что императорский пурпур, в который они стремились облачить своего правителя, должен быстро поблекнуть на слепящем солнечном свете, прольющемся на него, как только европейские лингвисты смогут изучить их книги и летописи. Не было упущено ни малейшей возможности бросить пыль в глаза пришельцам, сбивать с пути которых, даже по мелочам, считалось официальной политикой. Сейчас, однако, нет причин что-то скрывать, Roi Faineant¹ страхнул с себя лень, а вместе с ним и его Maire du Palais,² и в результате – понимающее правительство, которому нечего бояться испытующего взгляда из-за границы: летописи страны являются таким веским доказательством божественной власти *микадо*, что больше нет причин сохранять завесу таинственности. Путь обретения новых знаний открыт для всех; и хотя многое еще предстоит узнать, некоторые сведения уже получены, и среди них те, что могут заинтересовать тех, кто никогда не был в Японии.

Недавняя революция в Японии³ повлекла перемены, как социальные, так и политические; и не исключена возможность, что, когда в дополнение к прогрессу, который уже свершился, железные дороги и телеграф соединят главные населенные пункты Страны восходящего солнца, старая Япония, такая, какой она была веками и какую мы обнаружили всего каких-то одиннадцать лет назад, исчезнет. Мне подумалось, что нет и не может быть лучшего способа сохранить сведения о вызывающей любопытство и быстро исчезающей цивилизации, чем перевести некоторые наиболее интересные народные легенды и предания вместе с другими образчиками литературы, написанными на ту же тему. Таким образом, Япония сможет поведать повесть о себе самой, ее переводчик лишь добавит несколько слов то тут, то там в виде заголовка или цитаты к главе, где объяснение или дополнение ему покажутся необходимыми. Боюсь, что длинные и трудные имена зачастую будут превращать мои сказания в утомительное чтение, но я верю, что те, кто справится с этими трудностями, больше узнают о характере японцев, чем перелистывая описания путешествий и приключений, пусть даже самые блестящие. Господин и его вассал, воин и монах, бедный ремесленник и презренный *эта́* – каждый, в свою очередь, станет главным героем в моем сборнике рассказов, и устами этих героев я надеюсь показать относительно полную картину японского общества.

Многое сказав в качестве предисловия, я прошу моих читателей мысленно перенестись на побережье Эдоского залива – красивый, радующий глаз пейзаж: отлогие косогоры, окаймленные темной линией сосен и елей, ведущие вниз, к морю; причудливые свесы крыш многочисленных храмов и святилищ проглядывают то тут, то там из окружающих их рощиц; сам залив усеян живописными рыбацкими суденышками, факелы которых сверкают по ночам,

¹ Король-бездельник (фр.) (Здесь и далее примеч. пер.)

² Гофмейстер или министр двора (фр.).

³ Речь идет о буржуазной революции конца XIX в.

подобно светлячкам, среди далеких фортов; далеко на западе высятся склоны Оямы – обиталище духов, а за сдвоенными холмами перевала Хаконэ – Фудзияма, не имеющая равных гора, одинокая и величественная в центре равнины, изрыгавшая пламя двадцать одно столетие тому назад. На протяжении ста шестидесяти лет огромная гора была спокойна, но частые землетрясения до сих пор свидетельствуют о спрятанном в недрах огне, и никто не может сказать, когда раскаленные до красноты камни и пепел могут снова выпасть, подобно дождю, на пять провинций.

В уютном уголке среди священных деревьев в Таканаве, предместье Эдо, прячется *Сэн-гакудзи*, или *храм Родникового Холма*, прославленный по всем краям страны своим кладбищем, где находятся могилы сорока семи *ронинов*,⁴ оставивших след в истории Японии, героев японской драмы. Легенду об их подвиге я и собираюсь поведать вам.

С левой стороны от основного двора храма находится часовня, увенчанная золоченой фигурой Каннон, богини милосердия, в которой хранятся сорок семь статуй самураев и статуя их господина, которого они так сильно любили. Статуи вырезаны из дерева, лица раскрашены, а облачение выполнено из дорогого лакового дерева. Как произведения искусства они, несомненно, обладают большими достоинствами, олицетворяя героический поступок, статуи удивительно похожи на живых людей, каждый одухотворен и вооружен своим излюбленным оружием. Некоторые – почтенные люди с жидкими седыми волосами (одному семьдесят семь лет), другие – шестнадцатилетние юноши. Рядом с пагодой со стороны дорожки, ведущей на верх холма, есть небольшой колодец с чистой водой, огороженный и обсаженный мелким папоротником, с табличкой, на которой имеется надпись, поясняющая, что «в этом колодце была омыта голова; мыть руки и ноги здесь запрещается». Чуть дальше – прилавок, за которым бедный старик зарабатывает жалкие гроши продажей книг, картинок и медалей, увековечивающих верность сорока семи, а еще выше, в тени рошцы из величавых деревьев, находится аккуратное огороженное место, поддерживаемое в порядке, как гласит табличка, добровольными пожертвованиями, вокруг которого располагаются сорок восемь небольших могильных камней, каждый украшен вечнозелеными растениями, каждый с жертвенной водой и благоволениями для успокоения духов умерших. *Ронинов* было сорок семь, могильных (мемориальных) камней – сорок восемь, и легенда о сорок восьмом характерна для представления японцев о чести. Почти касаясь ограды захоронения, находится несколько более внушительный мемориальный камень *дорин-то*,⁵ под которым лежит господин, за смерть которого праведно отомстили его приближенные.

А теперь приступим к повествованию.

В начале XVIII века жил *даймё* по имени Асано Такуми-но Ками, властитель замка Ако в провинции Харима. Случилось так, что один из придворных *микадо* был направлен к *сёгуну*⁶

⁴ Слово *ронин* буквально означает «человек-волна»; тот, кто беспокойно мечется туда-сюда, словно морская волна. Так обычно называли людей благородного происхождения, которым дозволялось носить оружие и которые, расставшись со своим феодальным господином по собственной воле, либо по воле господина, либо волею судеб, перемещались по стране на положении сомнительных странствующих рыцарей без явных средств к существованию, в некоторых случаях предлагали себя в наем к новому господину, в других – живя грабежами; или же, опускаясь на одну ступень ниже по социальной лестнице, начинали заниматься торговлей или становились простыми стражниками. Случалось, что человек становился ронином по политическим соображениям, чтобы его господина не могли считать причастным к какому-нибудь кровавому преступлению, к которому он вынужден приложить руку. Иногда также люди становились ронинами и на некоторое время покидали родные места, до тех пор пока не смолкнут слухи о какой-нибудь переделке, в которую они попали, после чего они возвращались к своей прежней вассальной зависимости. Теперь же нет ничего необычного в том, что человек становится ронином на некоторое время и поступает на службу к иностранцам в открытых портах, даже на положение слуг в надежде, что они смогут приобрести языковые навыки и профессиональные знания европейцев. Известны случаи, когда люди не низкого происхождения вступали на такой путь из-за жажды новых знаний.

⁵ *Дорин-то* – мемориальный камень на кладбищах у буддийских храмов, состоящий из пяти камней различной формы – шар, прямоугольник и т. д. Простые мемориальные камни в виде короба называются *сотоба*.

⁶ Полный титул Тайкуна – *сэй-и тай-сёгун* «Великий полководец, карающий варваров». Стиль Тай Кун (Великого Принца) был заимствован, чтобы передать идею верховной власти иностранцам во время заключения договоров. Посольства, посы-

в Эдо, Такуми-но Ками и еще один знатный господин по имени Камэи Сама были назначены принимать его и устроить пир послу, а чиновник высокого ранга Кира Коцукэ-но Сукэ был назначен обучать их этикету, установленному для подобных случаев.

Оба благородных господина были вынуждены ежедневно приходить в замок *сиро*, чтобы прослушать инструкции Коцукэ-но Сукэ. Но этот Коцукэ-но Сукэ был человеком жадным до денег и, сочтя, что дары, которые два *даймё*, согласно освященной временем традиции, преподнесли ему за его наставления, слишком скромны и неподобающи его положению, затаил против них злобу и не взял на себя труда обучать их, а, напротив, старался выставить на всеобщее посмешище. Такуми-но Ками, сдерживаемый непоколебимым чувством долга, терпеливо сносил его насмешки, но Камэи Сама, который имел меньшую власть над собою, впал в крайнюю ярость и решил убить Коцукэ-но Сукэ.

Однажды ночью, когда его служба в замке была закончена, Камэи Сама возвратился к себе и, созвав своих советников⁷ на тайное совещание, сказал им:

– Коцукэ-но Сукэ оскорбил Такуми-но Ками и меня, когда мы несли службу при особе императорского посла. Это против всех правил приличий, и я намеревался убить его на месте, но напомнил себе, что, если совершу это на территории замка, расплатой будет не только моя жизнь, но и жизни членов моей семьи и моих слуг, поэтому я удержал свою руку. Пока жизнь этого негодяя еще приносит горе людям, но завтра, когда буду при дворе, я убью его. Я принял решение и не потерплю никаких возражений. – И, пока он говорил все это, его лицо бледнело от ярости.

Один из советников Камэи Сама был человеком весьма рассудительным и, поняв по виду своего господина, что все увещевания будут бесполезны, сказал:

– Слово нашего господина – закон; ваши слуги сделают все нужные приготовления, и завтра, когда ваша светлость отправится ко двору, если этот Коцукэ-но Сукэ снова будет дерзко вести себя, пусть он примет смерть.

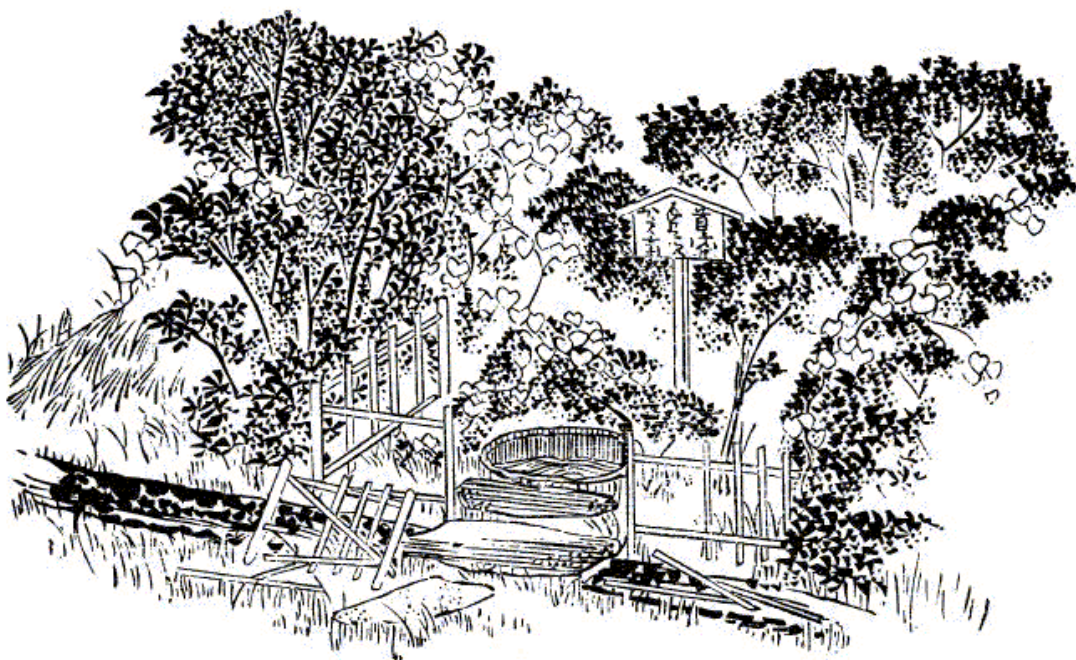
Его господин остался доволен такой речью и с нетерпением принялся ждать наступления нового дня, чтобы вернуться ко двору и убить своего врага.

Обеспокоенный советник отправился домой, взволнованно размышляя о том, что сказал его господин. По мере размышлений ему пришла в голову мысль, что, поскольку Коцукэ-но Сукэ имеет репутацию скряги, его определенно можно подкупить и что лучше будет заплатить ему любые деньги, не важно сколько, чем допустить гибель своего господина и всего его семейства. Поэтому он собрал все деньги, какие только смог, и, вручил их своим слугам, чтобы они их несли, сам ночью приехал верхом во дворец Коцукэ-но Сукэ и сказал его вассалам:

– Мой господин, который теперь состоит при особе императорского посла, весьма благодарен его сиятельству Коцукэ-но Сукэ за то, что доставил ему столько хлопот, пока тот обучал его надлежащим церемониям, соблюдаемым при приеме императорского посла. Это – скромный дар, который он послал со мной, но он надеется, что его сиятельство соизволит принять этот дар, и вручает себя на милость его сиятельства.

лавшиеся от микадо из Киото в Эдо, чтобы сообщить сёгуну волю государя, принимали с императорскими почестями, и обязанность занимать посланников возлагалась на самураев высшего ранга. Титул сэй-и тай-сёгуна впервые стал носить Минамото-но Ёритомо в седьмом месяце 1192 г.

⁷ Советник – букв. означает «старейшина». Советники даймё были двух разрядов – каро, или «старейшина», передающаяся по наследству должность, занимаемая младшими сыновьями в семействе князя, и ёнин, или «человек дела», которые избирались за свои заслуги. Такие советники играли немалую роль в истории Японии.

Колодец, в котором была омыта голова

С этими словами он предъявил тысячу серебряных монет для Коцукэ-но Сукэ и сто, чтобы их поровну разделили между собой его слуги.

Когда последние увидели деньги, их глаза просияли от радости, и они рассыпались в благодарностях. Попросив советника подождать немного, они отправились к своему господину и сообщили ему о богатом подарке, который был доставлен с почтительным посланием от Камэи Сама. Коцукэ-но Сукэ, предвкушая удовольствие от денег, послал за советником, чтобы его проводили во внутренние покои и, поблагодарив, обещал на следующий день особенно тщательно проинструктировать его господина по всем тонкостям этикета. Поэтому советник, видя внутреннее ликование скупца, возрадовался успеху своего плана и, откланявшись, вернулся домой в приподнятом состоянии духа. Но Камэи Сама, вовсе не помышлявший, что его вассалу удалось умилизовать его врага, лежал, обдумывая свою месть, и на следующее утро на рассвете отправился ко двору торжественной процессией.

Коцукэ-но Сукэ встретил его совсем по-другому – почтительности его не было предела.

– Сегодня вы пришли ко двору рано, господин Камэи, – сказал он, – не могу не восхищаться вашим рвением. Сегодня я буду иметь честь обратить ваше внимание на некоторые особенности этикета. Я должен попросить у вашей светлости извинения за мое прежнее поведение, которое могло показаться несколько грубым, но у меня всегда был вздорный характер, поэтому прошу вас еще раз меня простить.

И поскольку он продолжал вести себя подобострастно и говорить льстивые речи, сердце Камэи Сама постепенно смягчалось, и он отказался от намерения убить его. Так благодаря ловкости своего советника Камэи Сама и его дом были спасены от гибели.

Вскоре после этого Такуми-но Ками, который не послал подарка, прибыл в замок, и Коцукэ-но Сукэ изводил его насмешками больше прежнего, провоцируя издевками и завуалированными оскорблениями, но Такуми-но Ками делал вид, что не замечает этого, и терпеливо выполнял приказы Коцукэ-но Сукэ.

Такое поведение, вместо того чтобы дать положительный результат, лишь заставило Коцукэ-но Сукэ презирать его до такой степени, что он в конце концов заносчиво сказал:

– Эй, господин Такуми, завязка на моем *таби*⁸ развязалась, потрудитесь завязать ее мне.

Такуми-но Ками, хотя и сдерживал ярость от такого публичного оскорбления, все же подумал, что он на службе, поэтому обязан повиноваться, и завязал завязку на *таби*.

Тогда Коцукэ-но Сукэ, отвернувшись от него, раздраженно сказал:

– О, как вы неуклюжи! Не умеете даже завязать завязки на *таби* как положено! Посмотрев на вас, всякий скажет: вот настоящая деревенщина, не имеющая никакого понятия о столичных манерах и приличиях. – И с оскорбительным смешком он направился во внутренние покои.

Но терпение Такуми-но Ками подошло к концу, и этого последнего оскорбления он больше уже не мог снести.

– Остановитесь на минутку, господин! – воскликнул он.

– Ну, в чем дело? – осведомился тот.

И пока Коцукэ-но Сукэ оборачивался, Такуми-но Ками выхватил кинжал и нацелил удар ему в голову, но голову Коцукэ-но Сукэ защитила высокая шапка придворного, которую тот носил, и он отделался всего лишь незначительной царапиной. Коцукэ-но Сукэ стал спасаться бегством, и Такуми-но Ками, преследуя его, попытался во второй раз нанести удар кинжалом, но, промахнувшись, вонзил его в столб. В этот момент один офицер по имени Кадзикава Ёсобэй, увидев происходящее, бросился на помощь и, схватив разъяренного Такуми-но Ками сзади, дал Коцукэ-но Сукэ время благополучно спастись.

Тут поднялся большой переполох и всеобщее смятение, а Такуми-но Ками разоружили, арестовали и заключили в одном из дворцовых покоев под стражу. Был созван совет, и по его решению пленника передали под охрану одному *даймё* по имени Тамура Укиё-но Дайбу, который держал его под строгим арестом в его собственном доме, к великой печали его жены и слуг. А когда обсуждение этого дела на совете закончилось, было решено, что, поскольку он нарушил закон и напал на человека на территории дворца, должен совершить *харакири*, то есть покончить жизнь самоубийством, вспоров себе живот; его имущество должно быть конфисковано, а семья – уничтожена. Так гласил закон. Итак, Такуми-но Ками совершил *харакири*, его замок Ако был конфискован в казну, а его вассалы стали *ронинами*, часть из них пошла на службу к другим *даймё*, а остальные стали торговцами.

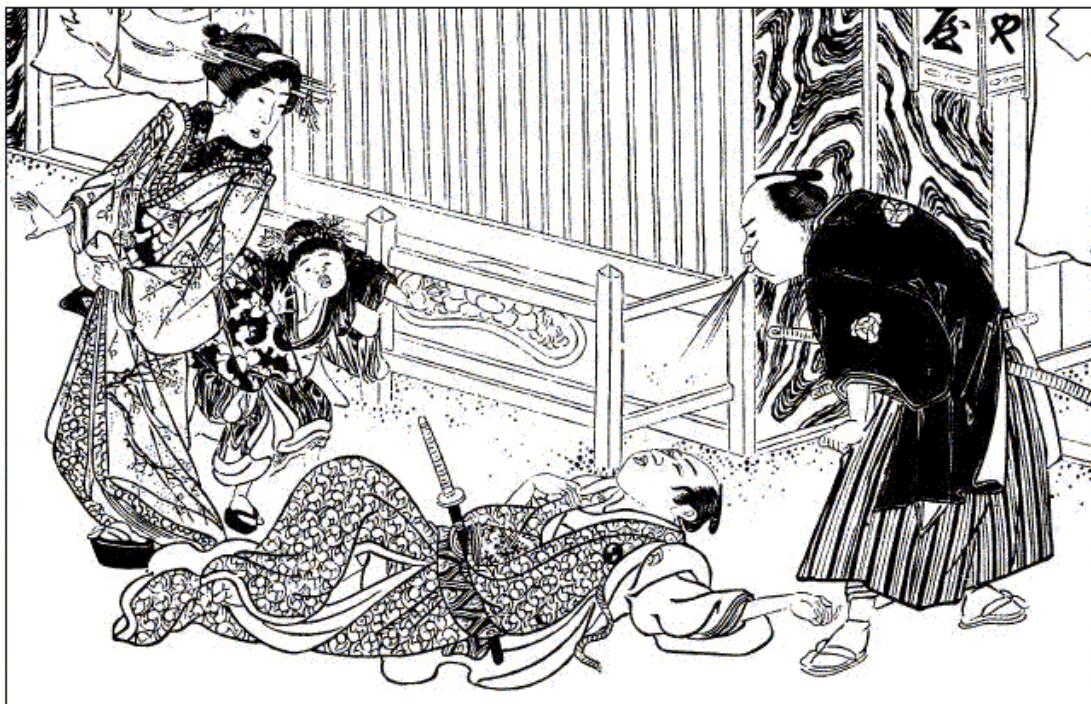
Среди приближенных Такуми-но Ками был главный его советник, по имени Оиси Кураносукэ, который вместе с сорока шестью другими верными вассалами заключил уговор отомстить за смерть своего господина, убив Коцукэ-но Сукэ. Этот Оиси Кураносукэ отсутствовал в замке Ако во время нападения своего господина на обидчика, чего, будь он при своем господине, никогда бы не произошло, поскольку, будучи человеком мудрым, он не преминул бы умиловить Коцукэ-но Сукэ, послав ему достойные подарки. Советник же, находящийся при его господине в Эдо, оказался не столь догадливым и упустил из виду эту предосторожность, что и повлекло за собой смерть господина и гибель его дома.

Поэтому Оиси Кураносукэ и сорок шесть его товарищей принялись строить планы отмщения Коцукэ-но Сукэ. Но последнего так хорошо охранял отряд, одолженный ему *даймё* Уэсуги Сама, на дочери которого он был женат, что они сочли единственным средством достичь намеченной цели – усыпить бдительность врага. С этой целью они разделились и переместились: одни – в плотников, другие – в ремесленников, третьи же занялись торговлей, а сам их предводитель, Кураносукэ, отправился в Киото, построил там дом в квартале Ямасина, где пристрастился посещать дома самой сомнительной репутации и предавался пьянству и разврату, словно у него не было и мысли мстить за смерть своего господина. Тем временем Коцукэ-но Сукэ, подозревая, что прежние вассалы Такуми-но Ками могут замыслить покушение на его жизнь, тайно подослал в Киото шпионов и требовал от них точного отчета о каждом шаге

⁸ Таби – шитые из плотной ткани носки с отделенным большим пальцем.

Кураносукэ. Однако тот, окончательно решив ввести своего врага в заблуждение, чтобы он почувствовал себя в безопасности, продолжал вести беспутную жизнь в обществе продажных женщин и пьяниц. Однажды, пьяным возвращаясь домой из грязного притона, он упал на улице и заснул, и все прохожие осыпали его презрительными насмешками. Так случилось, что мимо проходил один из людей Сацума и сказал:

– Разве это не тот самый Оиси Кураносукэ, который был советником Асано Такумино Ками и который, не имея смелости отомстить за своего господина, предается женщинам и вину? Смотрите, вот он лежит пьяный на улице кабаков. Вероломная скотина! Малодушный недоумок! Он не достоин звания *самурая*!⁹

Человек Сацума оскорбляет Оиси Кураносукэ

Он плюнул и наступил ногой на лицо спящего Кураносукэ.

Когда же шпионы Коцукэ-но Сукэ сообщили об этом в Эдо, тот при таких новостях почувствовал большое облегчение и счел, что опасность его миновала.

Однажды жена Кураносукэ, горько опечаленная распутной жизнью мужа, пришла к нему и сказала:

– Мой господин, сначала вы говорили мне, что ваш разврат – только уловка, чтобы обмануть бдительность вашего врага. Но на самом деле это зашло слишком далеко. Умоляю вас, будьте немного сдержаннее.

– Не надоедай мне, – отвечал Кураносукэ, – я не желаю слушать твоего хныканья. А если тебе не нравится мой образ жизни, я с тобой разведусь, и можешь идти куда хочешь! А я куплю себе красивую молодую девушку из какого-нибудь публичного дома и женюсь на ней ради своего удовольствия. Меня тошнит при виде такой старухи, как ты, в моем доме! Поэтому убирайся отсюда! И чем быстрее, тем лучше!

⁹ Самурай – человек, принадлежащий к букэ, или служивому сословию; ему позволялось носить оружие.

Он впал в неистовую ярость, и его жена, испугавшись гнева мужа, жалобно умоляла его смириться:

– О мой господин! Не говорите таких слов! Двадцать лет я была вам верной женой, родила троих детей, в болезнях и горе я была с вами. Вы не можете быть таким жестоким и теперь выгнать меня из дома. Сжальтесь! Сжальтесь надо мной!

– Хватит плакать! Это бесполезно! Я принял решение. Ты должна уйти. И дети тоже мне мешают. Если тебе угодно, можешь взять их с собой!

Услышав такие слова своего мужа, она в горе отыскала своего старшего сына Оиси Тикару и умоляла его заступиться за нее перед отцом и попросить, чтобы он простил ее. Но ничто не могло заставить Кураносукэ свернуть с пути, поэтому его жена была отослана назад в родительский дом с двумя младшими детьми. Но Оиси Тикара остался с отцом.

Шпионы донесли Коцукэ-но Сукэ обо всем без утайки, а тот, когда услышал, что Кураносукэ выгнал из дома жену и детей и купил себе наложницу и опустил до того, что предается разврату и пьянству, стал думать, что ему уже нечего бояться этих трусов – вассалов Такуми-но Ками, которым, по всей вероятности, не хватает храбрости отомстить за смерть своего господина.

Поэтому постепенно Коцукэ-но Сукэ стал менее внимательно наблюдать за вассалами Такуми-но Ками, отослал назад половину охраны, которую одолжил ему тесть Уэсуги Сама. Он и подумать не мог, что готовится попасть в ловушку, которую устроил ему Кураносукэ, горя желанием убить врага своего господина, который не задумываясь развелся с собственной женой и отослал от себя родных детей. Достойный восхищения, преданный своему господину человек!

Таким образом, Кураносукэ продолжал пускать пыль в глаза своего врага, упорствуя во внешне беспутном поведении. Но все его соратники собрались в Эдо и замыслили в качестве наемных работников и разносчиков получить доступ в дом Коцукэ-но Сукэ, где ознакомились с общим планом строения и расположением комнат и узнали, кто из его обитателей храбрец и честный человек, а кто трус, о чем они регулярно оповещали Кураносукэ. И когда, наконец, по письмам, приходившим из Эдо, стало ясно, что Коцукэ-но Сукэ основательно потерял бдительность, Кураносукэ возрадовался, чувствуя, что день отмщения настал. Назначив своим товарищам место свидания в Эдо, он тайком покинул Киото, обманув зоркость шпионов своего врага. Так сорок семь человек, сделав все для успешного выполнения своих планов, терпеливо ждали подходящего времени.

Стояла середина зимы, двенадцатая луна, мороз был жестокий. Однажды ночью, во время обильного снегопада, когда все вокруг стихло и мирные жители покоились на своих *футонах*, *ронины* решили, что не стоит ждать более удобного случая для осуществления их замыслов. Поэтому на общем совете они решили разделить отряд на две части, назначив каждому свое задание. Один отряд под предводительством Оиси Кураносукэ должен был напасть на главные ворота, а другой, во главе с его сыном Оиси Тикарой, проникнуть через заднюю калитку дома Коцукэ-но Сукэ. Но так как Оиси Тикара исполнилось всего лишь шестнадцать лет, Ёсида Тюдзаэмон был назначен его помощником.

Бой барабана по приказу Кураносукэ должен был стать сигналом для одновременной атаки, и, если кто-то убьет Коцукэ-но Сукэ и отрубит ему голову, он должен будет подать товарищам сигнал громким свистом. Те должны поспешать к нему и, опознав голову, отнести ее в храм Сэнгакудзи и положить ее как подношение на могилу их мертвого господина. Тогда они сообщат о своем поступке правительству и приготовятся ждать смертельного приговора, который наверняка будет им вынесен, в чем все *ро-нины* и поклялись.

Договорились выступить в полночь, и сорок семь товарищей, подготовившись к битве, уселись за прощальный ужин, поскольку наутро все они должны умереть.

Оиси Кураносукэ обратился к отрядам с такими словами:

– Сегодня ночью мы нападём на нашего врага в его доме. Его подданные наверняка окажут нам сопротивление, и мы будем вынуждены убить и их. Но убивать стариков, женщин и детей недостойно, поэтому я прошу вас внимательно следить, чтобы не лишить жизни ни одного беспомощного человека!

Товарищи встретили его речь громкими криками одобрения и стали ждать полуночного часа. Когда назначенный час пробил, *ронины* выступили. Яростно дул ветер и швырял снег прямо им в лицо, но они не обращали внимания на ветер и снег, торопливо шагали по дороге, горя жаждой отмщения.

Наконец они подошли к дому Коцукэ-но Сукэ и разделились на два отряда. Тикара с двадцатью тремя товарищами пошел к задним воротам. Четыре человека по веревочной лестнице, которую прикрепили к крыше над крыльцом, забрались во двор и, когда поняли, что, по всем признакам, обитатели дома спят, вошли в сторожку у ворот, где спала стража, и, не дав охране опомниться от изумления, захватили всех. Перепуганные стражники просили пощады, по крайней мере, сохранить им жизнь, на что *ронины* согласились при условии, что они отдадут им ключи от ворот; но те, дрожа от страха, сказали, что ключи хранятся в доме одного из их офицеров и что они не могут достать их при всем желании. Тогда *ронины* потеряли терпение, разбили на куски молотом большие деревянные запоры на воротах и распахнули их настежь. В тот же момент Тикара и его отряд ворвались во двор через заднюю калитку.

Тогда Оиси Кураносукэ отправил посыльного в соседние дома со следующим посланием:

«Мы, *ронины*, которые состояли прежде на службе у Асано Такуми-но Ками, нынешней ночью врываемся в дом Коцукэ-но Сукэ, чтобы отомстить ему за смерть нашего господина. Мы – не грабители, не бандиты и не причиним вреда соседним домам. Просим вас не тревожиться».

А так как соседи ненавидели Коцукэ-но Сукэ за жадность, они не объединились, чтобы прийти ему на помощь. Была предпринята еще одна мера предосторожности. Для того чтобы никто из находящихся в доме Коцукэ-но Сукэ не мог выбежать, чтобы позвать на выручку родственников, которые могли бы вооружиться и помешать осуществлению плана *ронинов*, Кураносукэ послал на крышу дома десять лучников с приказом стрелять во всех слуг, которые попытаются выбраться из дома. Отдав последние распоряжения и расставив всех по своим местам, Кураносукэ собственноручно ударил в барабан, подавая сигнал к нападению.

Десять вассалов Коцукэ-но Сукэ, услышав шум, проснулись и, обнажив мечи, бросились в переднюю защищать своего господина. В это же время *ронины*, растворив дверь прихожей, ворвались в ту же комнату, и тут произошла бешеная стычка между двумя сторонами, во время которой Тикара, проведя своих людей через сад, проник в заднюю часть дома. Коцукэ-но Сукэ в страхе за жизнь спрятался вместе с женой и служанками в чулане на веранде, в то время как остальные его вассалы, спавшие вне дома, в бараке, готовились прийти ему на выручку. Между тем *ронины*, ворвавшиеся через главные ворота, одолели и перебили схватившихся с ними десять вассалов, не потеряв ни одного человека, после чего, храбро проложив себе путь к задним комнатам, воссоединились с Тикарой и его людьми, и, таким образом, оба отряда снова слились в один.

Тем временем и остальные вассалы Коцукэ-но Сукэ вошли в дом, и началось общее сражение. Кураносукэ, восседая на походном стуле, отдавал приказания и руководил *ронинами*. Вскоре обитатели дома, поняв, что им не справиться с противником в одиночку, попытались послать за помощью к тестю Коцукэ-но Сукэ, Иэсуги Сама, с просьбой прийти на выручку со всем своим войском. Но гонцов перестреляли лучники, поставленные Кураносукэ на крыше дома. Оставшись без подмоги, они продолжали отчаянно сопротивляться. Тогда Кураносукэ крикнул громким голосом:

– Только Коцукэ-но Сукэ один нам враг, пусть кто-нибудь войдет в дом и доставит его нам, живым или мертвым!

Личные покои Коцукэ-но Сукэ защищали трое храбрых слуг с обнаженными мечами. Одному было имя Кобаяси Хэхати, другого звали Ваку Хандаю, а третьего – Симидзу Иккаку, все трое – умелые и верные воины, искусно владеющие мечом. Они были столь решительно настроены, что некоторое время удерживали *ронинов* на почтительном расстоянии, а один раз даже вынудили их отступить. Когда Оиси Кураносукэ увидел это, он, яростно заскрежетав зубами, закричал своим людям:

– Что такое?! Разве не клялся каждый из вас положить жизнь, чтобы отомстить за своего господина? А теперь вас отбросили назад какие-то три человека?! Труссы, недостойные, чтобы к ним обращались! Умереть, сражаясь за своего господина, – благороднейшее стремление верного слуги.

Затем, обращаясь к своему сыну Тикаре, он сказал:

– Эй, мальчик, вступи в бой с этими людьми, а если они не под силу тебе – умри!

Подстегнутый этими словами, Тикара схватил копье и сразился с Ваку Хандаю, но не мог устоять против него и, постепенно отступая, оказался в саду, где, потеряв равновесие, поскользнулся и скатился в пруд. Но когда Хандаю, намереваясь убить его, посмотрел вниз в пруд, Тикара ударом меча в ногу свалил своего врага наземь и, выкарабкавшись из воды, отправил его в мир иной. Тем временем другие *ронины* убили Кобаяси Хэхати и Симидзу Иккаку, и из всех слуг Коцукэ-но Сукэ не осталось ни одного способного сражаться. Увидев это, Тикара вошел с окровавленным мечом в руке в одну из задних комнат в поисках Коцукэ-но Сукэ, но нашел там только сына последнего, юного князя Кира Сахийоэ, который с алебардой в руке напал на него, но вскоре был ранен и бежал. Таким образом все люди Коцукэ-но Сукэ были убиты, сражение окончено, но и следа Коцукэ-но Сукэ не было найдено.

Тогда Кураносукэ разделил своих людей на несколько отрядов и велел им обыскать весь дом, но все оказалось напрасно: видны были только женщины и плачущие дети. И сорок семь человек уже начали было падать духом, сожалея, что, несмотря на все их усилия, врагу удалось спастись, и был даже один момент, когда все они в отчаянии уже были готовы одновременно совершить *харакири*; но перед этим решили предпринять еще одну попытку. Поэтому Кураносукэ вошел в спальню Коцукэ-но Сукэ и, дотронувшись до его одеяла, воскликнул:

– Я только что потрогал его постель, и она теплая, поэтому мне кажется, что наш враг недалеко. Он определенно скрывается где-нибудь в доме.

Ронины, воодушевившись, возобновили поиски.

Близ почетного места, в приподнятой части комнаты, в *токономе* висела картина. Сняв ее, *ронины* увидели большое отверстие в оштукатуренной стене. Пощупав копьем, они ничего там не нашли. Поэтому один из *ронинов* по имени Ядзама Дзютаро влез в дыру и обнаружил, что с другой стороны находится небольшой дворик, в котором стоит сарай для угля и дров. Заглянув в сарай, он заметил что-то белое в дальнем конце, до чего и дотронулся копьем. Тут на него набросились два воина, попытались зарубить его мечами, но он сдерживал их натиск до тех пор, пока один из его товарищей не подоспел к нему на помощь и не убил одного из нападавших, а с другим вступил в бой. Дзютаро тем временем вошел в сарай и стал обшаривать его копьем. Снова заметив что-то белое, он ткнул туда копьем, и раздавшийся тотчас громкий крик боли выдал человека. Поэтому Дзютаро кинулся на него, человек в белом одеянии, раненный в бедро, обнажил свой кинжал и замахнулся, чтобы нанести ему удар. Но Дзютаро вырвал кинжал из рук нападающего и, схватив его за шиворот, выволок из сарая. Тут подоспел другой *ронин* и стал внимательно рассматривать пленника. Они оба увидели, что это знатный господин, лет шестидесяти, одетый в белое атласное спальное кимоно, перепачканное в крови от раны, нанесенной Дзютаро ему в бедро. Двое убедились, что это не кто иной, как сам Коцукэ-но Сукэ. Спросили у него имя, но он им не ответил. Тогда они подали сигнал свистом, и все их товарищи тотчас же сбежались на зов. Оиси Кураносукэ, принеся фонарь, внимательно всмотрелся в черты пожилого человека и действительно признал в нем Коцукэ-но Сукэ. Если же

нужны дальнейшие доказательства, то и они были налицо – шрам от раны на лбу, которую нанес ему их господин Асано Такуми-но Ками во время их столкновения в замке.

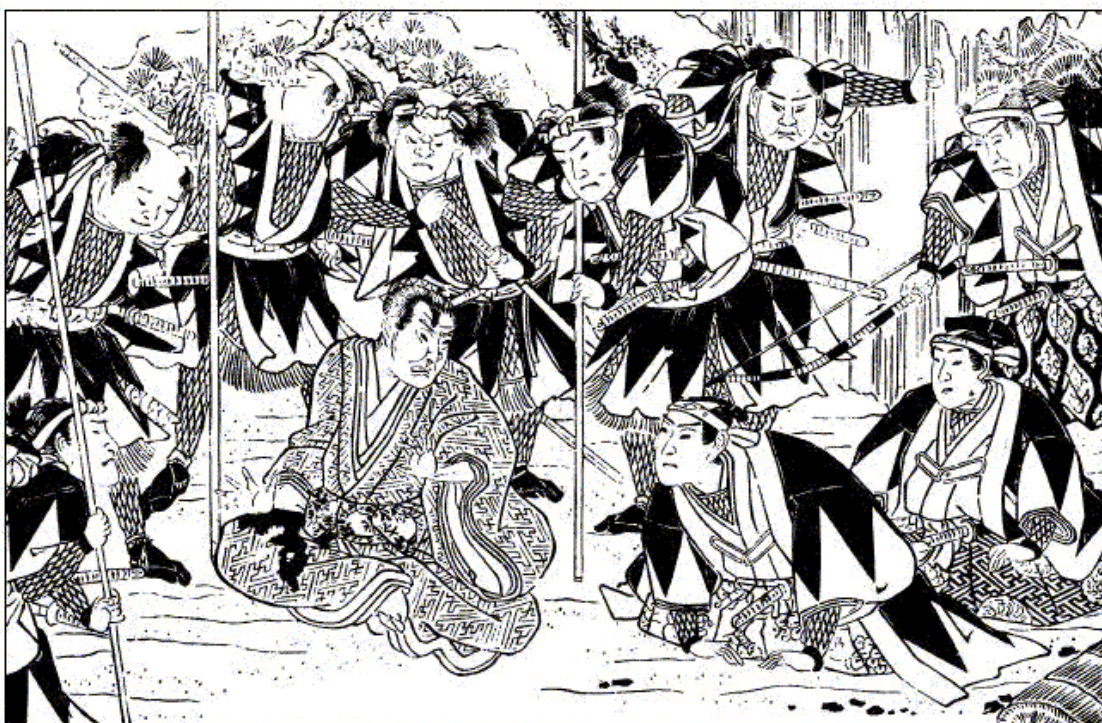
Исключив любую возможную ошибку, Оиси Кураносукэ опустился на колени и почтительно обратился к пожилому человеку со словами:

– Господин, мы – бывшие вассалы Такуми-но Ками. В прошлом году ваша светлость и наш господин поссорились во дворце, и в результате наш господин был приговорен к совершению *харакири*, а его род был razoren. Сегодня ночью мы пришли отомстить за него, как того требует долг всякого верного и преданного слуги. Прошу вашу светлость признать правоту наших поступков. А теперь, ваша светлость, мы просим вас совершить *харакири*. Я сам буду иметь честь быть вашим помощником и, когда со всем должным смирением отсеку голову вашего сиятельства, намерен отнести ее на могилу Асано Такуми-но Ками как подношение его духу.

Ронины из уважения к высокому сану Коцукэ-но Сукэ обращались с ним с величайшей почтительностью и неоднократно настойчиво убеждали его совершить *харакири*. Но тот, сжавшись, молчал и трясся от страха.

Наконец Кураносукэ, видя, что бесполезно увещевать Коцукэ-но Сукэ принять смерть как подобает благородному человеку, повалил его наземь и отрубил ему голову тем самым мечом, каким убил себя Асано Такуми-но Ками.

Тогда сорок семь товарищей, гордые сознанием исполненного долга, положили отрубленную голову в бадью и приготовились отправиться в путь, но, прежде чем выйти из дома, они старательно погасили весь огонь, чтобы как-нибудь не случилось пожара и соседи не пострадали.

Ронины убеждают Коцукэ-но Сукэ совершить *харакири*

Когда они были уже на пути к Таканаве, предместью, где находился храм Сэнгакудзи, стало рассветать, и народ высыпал на улицы, чтобы посмотреть на сорок семь человек, которые

в окровавленных одеждах и с покрытым кровью оружием в руках представляли ужасное зрелище. И все как один восхваляли их, удивляясь их доблести и преданности своему господину.

Но каждую минуту *ронины* ждали, что тесть Коцукэ-но Сукэ нападет на них и отнимет у них голову, поэтому были готовы храбро умереть с мечом в руке. Однако они спокойно достигли Таканавы. Мацудайра Аки-но Ками, один из восемнадцати главнейших *даймё* Японии (покойный Асано Такуми-но Ками принадлежал к младшей ветви этого дома), был в высшей степени доволен, услышав о событиях последней ночи, и приготовился помочь *ронинам* в случае нападения на них. Поэтому тесть Коцукэ-но Сукэ не осмелился преследовать их.

Около семи часов утра они проходили мимо дворца Мацудайры Муцу-но Ками, князя Сэндай, который, услышав об их подвиге, послал за одним из своих советников и сказал ему:

– Слуги Асано Такуми-но Ками убили врага своего господина и теперь проходят мимо моего дворца. Я не могу не восхищаться их преданностью, и так как они, должно быть, устали и голодны после геройской ночи, то пойдите, пригласите их сюда и дайте что-нибудь перекусить и выпить вина.

Советник вышел и обратился к Оиси Кураносукэ:

– Господин, я – советник князя Сэндай, и мой господин приказал мне просить вас, так как вы, должно быть, измучены после всего, что вам пришлось вынести, зайти к нему и отвечат скромного угощения, которое мы можем предложить вам. Это я говорю от имени моего господина.

– Благодарю вас, господин, – отвечал Кураносукэ, – как мило со стороны его светлости утруждать себя заботой о нас. Мы с благодарностью принимаем его любезное приглашение.

И вот сорок семь *ронинов* вошли во дворец, где их угостили кашей и вином, и все приближенные князя Сэндай приходили и всячески восхваляли их.

Тогда Кураносукэ обратился к советнику и сказал:

– Мы в долгу у вас за ваше гостеприимство, но, поскольку нам еще предстоит путь в Сэнгакудзи, вынуждены смиренно попросить у вас прощения за то, что покидаем вас так скоро.

И, рассыпавшись в многочисленных благодарностях хозяину, они покинули дворец князя Сэндай и поспешили в Сэнгакудзи, где их встретил настоятель монастыря, который вышел к главным воротам приветствовать их и проводить на могилу Асано Такуми-но Ками.

И когда они подошли к могиле своего господина, то омыли голову Коцукэ-но Сукэ в колодце поблизости и возложили ее перед могилой Такуми-но Ками в качестве подношения. После этого они пригласили храмового священника читать молитвы, пока *ронины* будут возжигать благовония – первым Оиси Кураносукэ, потом его сын, Оиси Тикара, а затем и каждый из сорока пяти остальных исполнил тот же самый обряд. Тогда Кураносукэ, отдавая все деньги, какие имел при себе, настоятелю монастыря, сказал ему:

– Когда мы, сорок семь *ронинов*, совершим *харакири*, прошу достойно похоронить нас. Полагаюсь на вашу доброту. Я могу предложить вам лишь ничтожную сумму, но, как бы мала она ни была, прошу вас употребить ее на заупокойные службы о наших душах.

И настоятель, дивясь преданности и мужеству этих людей, со слезами на глазах обещал исполнить их желание.

А сорок семь *ронинов* со спокойной совестью стали терпеливо ждать приговора правительства.

Наконец они были вызваны в верховный суд, где собрались префекты города Эдо и *ёрики* – помощники префекта, и там им был объявлен следующий приговор: «Поскольку вы, не уважая достоинство города и не боясь правительства, сговорились убить своего врага и насильно вторглись в жилище Кира Коцукэ-но Сукэ ночью и убили его, решение суда таково: за свой дерзкий поступок вы должны совершить *харакири*». После оглашения приговора сорок семь *ронинов* разделили на четыре партии и передали под надзор четырех *даймё*, во дворцы последних были посланы от правительства особые уполномоченные, в присутствии которых *ронины*

должны были совершить *харакири*. Так как все они с самого начала были готовы к тому, что их ждет такой конец, то встретили смерть мужественно. Тела их были перенесены в храм Сэнгакудзи и похоронены перед могилой их господина Асано Такуми-но Ками. И когда молва об их подвиге распространилась повсюду, массы народа стали стекаться поклониться могилам этих преданных слуг.

Могины ронинов

Среди приходивших сюда помолиться оказался и знакомый нам человек Сацума. Распростершись перед могилой Кураносукэ, он сказал:

– Когда я увидел тебя лежащего пьяным на улице Ямасина в Киото, я не знал, что ты готовишь план отмщения врагу своего господина, и, принимая тебя за бесчестного человека, наступил на тебя ногою и плюнул тебе в лицо. Теперь я пришел попросить у тебя прощения и искупить свою вину перед тобою за прошлогоднее оскорбление.

С этими словами он снова распростерся перед могилой, вынул из ножен кинжал, вонзил его себе в живот и умер. Настоятель монастыря, сжалившись над ним, похоронил его рядом с *ронинами*, и его могилу до сих пор можно видеть рядом с могилами сорока семи товарищей.

На этом и заканчивается история сорока семи верных самураев.

Ужасная картина жестокого героизма, которой нельзя не восхищаться! В уме японцев это чувство восхищения является чистым и неподдельным; потому-то сорок семь *ронинов* получают почести, достойные богов. Благочестивые руки поныне украшают их могилы зелеными ветвями и возжигают благовония. Платье и оружие их заботливо сохраняется в нескороаемой кладовой, принадлежащей храму, и выставляется ежегодно напоказ восторженным толпам, которые взирают на эти вещи с благоговением, и раз в шестьдесят лет монахи в Сэнгакудзи пожинают обильный урожай в пользу своего храма, устраивая памятную ярмарку или празднество, куда народ стекается на протяжении двух лун.

Однажды серебряный ключ допустил меня частным образом к осмотру реликвий.

Нас, меня и моего приятеля, проводили в задние покои просторного храма, выходящие в один из тех удивительных миниатюрных садов, затейливо украшенных искусственными скалами и карликовыми деревьями, в которых японцы находят особое удовольствие. Настоятель осторожно выносил и открывал для нас один за другим тщательно подписанные и пронуме-

рованные ящики с реликвиями. Что за любопытное собрание старинных тканей, обломков дерева и металла! Самодельные доспехи из кожаных ремней, скрепленных железными полосками, свидетельствуют о той секретности, с которой *ронины* готовились к сражению. Купить оружие значило бы обратить на себя внимание, поэтому они изготовили его собственными руками. Старинная побитая молью парадная верхняя одежда, остатки шлемов, три флейты, шкатулка с письменными принадлежностями, которая, должно быть, была уже не совсем новой в эпоху трагедии, а теперь рассыпается на куски, и эти превращающиеся в лохмотья штаны из бывшей роскошной шелковой материи, теперь уже истлевшие и обтрепанные, кожаные ремни, часть старой рукавицы, рукояти мечей, гребни шлемов и родовые гербы *моны*, острия копий и кинжалы, последние рыжие от ржавчины, но с отдельными более ярко окрашенными пятнами, словно фатальные кровавые пятна так и не были с них стерты, – все это почтительно показывали нам. Среди всего этого хлама было несколько документов, пожелтевших от времени и сильно потертых на сгибах. Один из них представлял собой план помещений Коцукэ-но Сукэ, добытый одним из *ронинов* путем женитьбы его на дочери строителя дома.

Три свитка показались мне столь любопытными, что я получил разрешение сделать с них копии.

Первым из них является расписка, данная слугам сына Коцукэ-но Сукэ в обмен на голову отца их молодого господина, которую храмовые священники вернули им. Вот она:

РАСПИСКА

«1. Одна голова.

2. Один бумажный сверток.

Вышеперечисленные предметы получены в целости.

Подписано:

*Саяда Магобэй (ханко)*¹⁰

Сайто Кунай (ханко),

что подтверждается уполномоченными от храма Сэнгакудзи священниками:

священником Сэкисэем

священником Итидоном».

Второй документ объясняет поведение *ронинов*. Копия его обнаружена при каждом из сорока семи. Вот он:

«В прошлом году, в месяце третьей луны Асано Такуми-но Ками, состоя при особе императорского посланника, силою обстоятельств был вынужден напасть и нанести рану господину Коцукэ-но Сукэ в замке с целью отомстить за оскорбления, нанесенные ему последним. Он совершил этот поступок, невзирая на священность места, тем самым нарушив все правила приличия, вследствие чего и был приговорен к *харакири*. Его имущество и замок Ако были конфискованы в пользу государства и переданы его слугами чиновникам, отряженным *сёгуном* для их приема. После этого все его приближенные и были распущены. Во время ссоры присутствующие высокие сановники помешали Асано Такуми-но Ками привести в исполнение намерение убить своего врага, господина Коцукэ-но Сукэ. Итак, Асано Такуми-но Ками умер, не отомстив за себя, и этого не могли вынести его приближенные. Невозможно оставаться под одним небом с врагом своего господина или отца – по этой причине мы осмелились объявить свою вражду к лицу столь высокого сана. Сегодня

¹⁰ Ханко – личная печать красного цвета с именем, которая служит аналогом подписи. Хранится в специальном дорогом футляре с подушечкой для красных чернил.

мы нападаем на Кира Коцукэ-но Сукэ, чтобы завершить дело мести, начатое нашим покойным господином. Если кто-нибудь найдет наши тела после смерти, то мы почтительно просим его вскрыть и прочитав этот документ. 15-й год правления Гэнроку, 12-я луна. Подписано:

*Оиси Кураносукэ,
слуга Асано Такуми-но Ками,
и сорок шесть ронинов*».¹¹

Третий свиток – это бумага, которую сорок семь *ронинов* возложили на могилу своего господина вместе с головой Кира Коцукэ-но Сукэ:

«15-й год Гэнроку, 12-я луна, 15-й день. Мы пришли сюда засвидетельствовать свое почтение, все сорок семь человек, от Оиси Кураносукэ до пехотинца Тэрасаки Китиэмона, все готовые с радостью положить жизнь за вашу честь. Мы почтительно заявляем это почитаемому духу нашего покойного господина. На четырнадцатый день месяца третьей луны прошлого года нашему почитаемому господину было угодно напасть на Кира Коцукэ-но Сукэ, по какой причине, мы не ведаем. Наш достопочтимый господин положил конец собственной жизни, но Кира Коцукэ-но Сукэ остался жив. Хотя мы боимся, что после указа, объявленного правительством, этот наш заговор может не понравиться нашему достопочтимому господину, все-таки мы, которые ели ваш хлеб, не можем, не краснея, говорить слова: „Ты не должен жить под одним небом с врагом своего отца или господина“, не смеем мы и покинуть ад и предстать пред вами в раю, пока не доведем дело отмщения, начатое вами, до конца. Каждый день ожидания этого момента показался нам тремя осенями. Поистине мы шли по снегу один день, нет, два дня, и вкушали пищу лишь единожды. Старые и дряхлые, больные и страждущие, мы пришли, чтобы с радостью положить наши жизни здесь. Люди могли смеяться над нами, как над кузнечиком, верящим в силу своих лапок, и тем опозорить нашего достопочтимого господина; но мы не могли остановиться в начатом деле мщения. Посоветовавшись вчера ночью, мы привели Коцукэ-но Сукэ сюда, к вам на могилу. Этот кинжал *вакидзаси*,¹² которому придал такую великую ценность наш уважаемый господин в прошлом году и вверил его нам, мы возвращаем теперь назад. Если ваш благородный дух сейчас присутствует здесь перед этой могилой, то мы молим вас в знак этого взять этот кинжал и, ударив им второй раз по голове вашего врага, навсегда рассеять вашу ненависть. Таково почтительное заявление сорока семи ронинов».

Слова «Ты не должен жить под одним небом с врагом своего отца или господина» по образу и подобию цитат из книг Конфуция. Д-р Легге в своей книге «Жизнь и учение Конфуция» приводит интересный абзац, подводящий итог доктрине мудрости по вопросу мести.

Во второй книге «Ли Ки (*Ли Цзы*)» – *книге законов, или книге этикета*, имеются следующие строки:

«С убийцей своего отца мужчина не может жить под одним небом; для убийцы своего брата мужчина никогда не должен идти домой за оружием;

¹¹ У японцев принято, когда их помыслы устремлены к жестокому поступку, цель которого, по их мнению, оправдывает средства, носить при себе документ, подобный приведенному выше, в котором излагаются мотивы, чтобы поступок был понятен после смерти.

¹² Вакидзаси – японский короткий меч, или кинжал, длиной в 9,5 дюйма; края и кончик этого оружия острые, словно бритва. Имеется в виду кинжал, которым Асано Такуми-но Ками взрезал себе живот и которым Оиси Кураносукэ отрубил голову Коцукэ-но Сукэ.

с убийцей своего друга мужчина не может жить в одной провинции». Здесь *lex talionis*¹³ сформулирован в наиполнейшей степени. «Чжоу-ли»¹⁴ повествуют нам о мере предосторожности от дурных последствий этого принципа посредством назначения чиновника, называемого «примиритель». Эта мера предосторожности снисходительна к городам безопасности, которые были предусмотрены Моисеем, где убивший человека мог бы найти убежище от ярости мстителя. Как бы то ни было, это существует, и примечательно, что Конфуций, когда с ним консультировались на сей счет, не обращал на это внимания, но подтверждал долг кровной мести в самых сильных и самых нелицеприятных выражениях. Один из его учеников спросил его: «Как следует поступать при убийстве отца или матери?» Он ответил: «Сын должен спать на матрасе, набитом травой, со щитом под подушкой. Он должен отказаться от службы. Он не должен жить под одним небом с убийцей. Когда он встретит его хоть на базаре, хоть при дворе, он должен держать свое оружие наготове, чтобы нанести удар». – «А как следует поступать при убийстве брата?» – «Оставшийся в живых брат не должен служить в одной провинции с убийцей. Однако если он направляется в провинцию, где находится убийца, по заданию своего господина, то хотя он и может с ним встретиться, он не должен вступать с ним в бой». – «А как следует поступать при убийстве дяди или двоюродного брата?» – «В этом случае племянник или двоюродный брат не являются близкими родственниками. Если же близкий родственник, на которого переходит месть, может ее принять, остается только стоять позади с оружием в руке и поддерживать его».

Я хочу добавить один эпизод, чтобы показать, что могилы сорока семи являются святыней. В сентябре 1868 года некий человек пришел помолиться перед могилой Оиси Тикары. Закончив свои молитвы, он намеренно совершил *харакири*, и, поскольку рана живота не была смертельной, он отправился в мир иной, перерезав себе горло. При этом человеке были найдены бумаги, в которых говорилось, что, будучи *ронином* и без средств к существованию, он подал прошение с просьбой, чтобы ему позволили вступить в клан князя Тёсю, который он считал самым благородным из родов в его местности. В просьбе ему было отказано, и ему ничего не оставалось, как только умереть, так как оставаться *ронином* ему было противно, а служить какому-либо другому хозяину, кроме князя Тёсю, он не стал бы. Какое более подходящее место он мог найти, чтобы положить конец своей жизни, чем могилы этих храбрецов? Это произошло в нескольких ярдах от моего дома, и, когда я увидел это место пару часов спустя, вся земля была забрызгана кровью и носила следы смертельной агонии.

¹³ Принцип талиона (лат.) – принцип назначения наказания за преступление, согласно которому мера наказания должна воспроизводить вред, причиненный преступлением («око за око, зуб за зуб»). Талион (от лат. *talio*, родительный падеж *talionis* – возмездие, равное по силе преступлению) – принцип наказания-возмездия «равным за равное», возникший в родовом обществе и воспринятый древними рабовладельческими системами права.

¹⁴ «Чжоу—ли» – «Чжоуские церемонии», скорее всего, составленные во 2-й половине I в. до Р. Х. Лю-сяном и Лю-синем.

ЛЮБОВЬ ГОНПАТИ И КОМУРАСАКИ

Приблизительно в двух милях от Эдо, но все-таки вдали от тягот и шума большого города расположилось селение Мэгуро.¹⁵ Миновав городские окраины, дорога, ведущая туда, идет по лесистой местности, изобилующей бесконечным разнообразием зелени, временами прерывающейся длинной узкой линией селений и деревенок. При подъезде к Мэгуро пейзаж становится все более идиллическим, а сельские красоты возрастают. Утопающие в тени тропинки, окаймленные кустами, столь же роскошными, как и в Англии, ведут в долину рисовых полей, сверкающих изумрудной зеленью молодых побегов. Справа и слева возвышаются холмы фантастической формы, вершины которых венчают обильные криптомерии, лиственницы и другие хвойные деревья, окаймленные зарослями пушистого бамбука, грациозно склоняющего свои стебли под легким летним бризом. Там, где есть местечко чуть более затененное и притягательное для взора, чем остальные, можно увидеть красные *тории* (ворота) храма, который простые сельчане из почтения воздвигли в честь Инари Сама, божества – покровителя сельского хозяйства, либо в честь какого-нибудь другого местного божества-покровителя. На западном выходе из долины полоса синего моря уходит к горизонту, на западе видны отдаленные горы. На переднем плане перед уютным крестьянским домом с крышей из бархатно-коричневого тростника стайка крепких мальчишек, загорелых и совершенно обнаженных, резвится в дичайшем веселье, не обращая внимания на ворчливый голос высохшей старенькой бабушки, которая сидит и прядет, оставшись на хозяйстве, пока ее сын и его жена усердно трудятся вне дома. Прямо у нас под ногами бежит ручей чистейшей воды, в которой группа сельчан моет овощи, которые они взвалят себе на плечи и понесут, чтобы продать на рынке в пригороде Эдо. Немало красоте пейзажа добавляет удивительной чистоты атмосфера, столь прозрачная, что самые отдаленные очертания затуманены едва-едва, в то время как детали ближайшей местности выступают отчетливым, подчеркнутым рельефом, то залитые вертикально падающими лучами солнца, то затемненные быстро сменяющимися тенями, отбрасываемыми курчавыми облаками, плывущими по небу. Под такими небесами какой художник в состоянии изобразить свет и тени, играющие над лесами, гордостью Японии, поздней ли осенью, когда красновато-коричневые и желтые тона наших деревьев смешиваются с глубоким пунцовым заревом кленов, либо в весеннее время, когда сливовые и вишневые деревья, а также дикие камелии – гиганты высотой пятьдесят футов – находятся в разгаре цветения?

Все, что мы видим, очаровательно, но в лесах царит странная тишина, редко нарушаемая птичьим пением. На самом деле мне известна лишь одна певчая птица, чье пение с большой натяжкой можно считать музыкальным, – это *угуису*,¹⁶ так некоторые восторженные люди называют японского соловья, который в лучшем случае король в королевстве слепых. Дефицит животного мира во всех его проявлениях, за исключением лишь человека и комаров, – предмет постоянного изумления для иноземного путешественника. Охотник должен одолеть пешком не одну милю, чтобы сделать выстрел в кабана, либо в оленя, либо в фазана. И плуг крестьянина, и силок браконьера, которые заняты свои делом, не важно, сезон это охоты или нет, угрожают истребить все живое, если только правительство действительно не введет в силу, как оно угрожало весной 1869 года, некое подобие европейских законов по охране дичи. Но оно не проявляет особенной ревности в этом деле. Скромная охота с ястребом или соколом на пруду, где водятся утки, удовлетворяет страсть охотника современной Японии, который знает, что вне зависимости от законов по охране дичи дичь никогда не обманет ожиданий зимой. И давным-давно минули дни, когда сам *сёгун* имел обыкновение выезжать верхом с большой

¹⁵ Сейчас Мэгуро – один из центральных районов японской столицы Токио.

¹⁶ Соловей угуису – один из любимейших персонажей японских хайку.

процессией в дикие места у горы Фудзи, где вставал лагерем и охотился на кабана, оленя и волка, полагая, что, делая это, он воспитывает мужество и военный дух в своей стране.

Существует один серьезный недостаток, который ощущается при любовании красотами сельской местности Японии, а именно – постоянное оскорбление обоняния в виде невыносимого запаха. Все, что должно заполнять городскую канализацию, выносится на спинах людей и лошадей, чтобы быть разбросанным на полях, и, если хотите избежать это неодолимое неудобство, придется ходить с носовым платком в руке, приготовившись закрыть им нос от вони, которая может настигнуть вас в любой момент.

Казалось бы естественным, описывая сельские красоты Японии, сказать несколько слов о крестьянстве, их отношении к землевладельцу и правительству. Но это я оставляю для другого случая. В настоящее время мы имеем дело с милым селением Мэгуро.

В конце тропки, ведущей к селению, стоит старинный синтоистский храм (форма культа, которая существовала в Японии до введения конфуцианства или буддизма), окруженный величественными криптомериями. Деревья вокруг синтоистского храма находятся под особым покровительством божества, которому посвящен храмовый алтарь, и в связи с этим существует некий магический обряд, до сих пор почитаемый суеверными, в котором используются восковые фигурки, посредством которых средневековые колдуны и маги в Европе и конечно же в Древней Греции, о чем нам сообщает Теокрит, делают вид, что убивают врагов своих клиентов. По-японски это называется *«уси-но токи маури»*, или «отправляться [на моление] в час Быка»,¹⁷ и практикуется ревнивыми женщинами, которые желают отомстить своим неверным любовникам.

Когда весь мир наслаждается покоем, в два часа ночи, в час, символизируемый Быком, женщина встает, надевает белое кимоно и *гэта* – деревянные сандалии на поперечных подставках высотой около 10 см. На голове у нее металлическая тренога, в которую воткнуты три зажженных свечи, на шею она вешает зеркало, которое достигает ей до груди, в левой руке она несет небольшую соломенную фигурку, изображение возлюбленного, который бросил ее, а в правой руке она сжимает молоток и гвозди, которыми она прибивает фигурку к одному из священных деревьев, окружающих храм. Там она молит о смерти предателя и клянется, что, если ее мольба будет услышана, она собственноручно выгадит гвозди, которые сейчас оскорбляют божество, рана священное дерево. Ночь за ночью она приходит в храм, и каждую ночь она вбивает пару или больше гвоздей, веря, что каждый гвоздь укоротит жизнь ее неверного возлюбленного, ведь божество, чтобы спасти дерево, определенно покарает его смертью.

Мэгуро – это одно из многочисленных местечек вокруг Эдо, куда стекаются добропорядочные горожане на праздник либо для молебствия, либо для того и другого, но, несмотря на это, бок о бок со старинными святилищами и храмами, вы найдете много милых чайных домиков со стоящими у дверей конкурирующих заведений мадемуазелями, зовущихся Сахарной, Морской Волной, Цветком, Морским Побережьем и Хризантемой, которые настойчиво зазывают вас войти и отдохнуть. Эти дамочки не красивы, если судить по европейским стандартам, но очарование японских женщин заключается в их манерах и изящности, и девушка из чайного дома, будучи профессиональной приманкой, – эксперт в искусстве флирта. Это следует запомнить, ведь ее нельзя путать ни с хрупкими красавицами Ёсивары, ни с ее сестрами из чайных домов, находящихся рядом с портами, открытыми для иноземцев и их развращенного влияния. Ведь как ни странно, но наши контакты с Востоком оказали дурное влияние на местных жителей.

¹⁷ Китайцы, а за ними и японцы, делили день на двадцать четыре периода, каждый из которых обозначался знаком, подобным знаку зодиака. Время с полуночи до 2 часов ночи называлось часом Крысы; с 2 часов ночи до 4 – часом Быка; с 4 часов утра до 6 – часом Тигра; с 6 часов утра до 8 – часом Зайца; с 8 часов утра до 10 – часом Дракона; с 10 часов утра до полудня – часом Змеи; с полудня до 2 часов дня – часом Лошади; с 2 часов дня до 4 – часом Барана; с 4 часов дня до 6 вечера – часом Обезьяны; с 6 часов вечера до 8 – часом Петуха; с 8 вечера до 10 – часом Свины; с 10 вечера до полуночи – часом Лисы.

В одном из чайных домов процветает торговля деревянными табличками, украшенными изображением розовой каракатицы на светло-голубом фоне. Это *ex-votos*,¹⁸ предназначенные для принесения в дар в храме Якуси Нёраи, буддийского Асклепия, который стоит напротив и об основании которого существует следующая легенда.

В древние времена жил-был монах по имени Дзикаку, когда ему исполнилось сорок лет, а это было осенью десятого года периода Тэнтё (833 г.), он стал слепнуть от глазной болезни, которая поразила его за три года до этого. Чтобы излечиться от этой болезни, он вырезал фигурку Якуси Нёраи, которому обычно возносил свои молитвы. Пять лет спустя он отправился в паломничество в Китай, взяв с собой фигурку своего святого покровителя, и в местечке под названием Кайрэцу она защитила его от грабителей, диких зверей и других бедствий. Там он проводил время в изучении священных законов, как явных, так и тайных, и по прошествии девяти лет отправился назад в Японию морем. Когда он вышел в открытое море, разразился шторм, и огромная рыба напала на корабль и попыталась его потопить, правило и мачта были сломаны, а ближайший берег оказался землей, населенной демонами, удалиться или приблизиться к которой было в равной степени опасно. Тогда монах стал молиться святому покровителю, образ которого носил с собой, и во время его молитвы в центре корабля явился Якуси Нёраи собственной персоной и сказал ему следующее:

– Поистине ты совершил далекое паломничество, чтобы открыть священные законы для спасения многих людей. Поэтому возьми сейчас мой образ, который ты носил на груди, и брось его в море, чтобы ветер стих и чтобы ты мог миновать эту дьявольскую землю.

Указания святых следует выполнять, поэтому со слезами на глазах монах бросил в море священный образ, который так любил. Тут ветер действительно стих, волны успокоились, и корабль пошел своим курсом, словно его подталкивала невидимая рука, пока не достиг безопасной гавани. В месяце десятой луны того же года монах снова поднял парус, вверив судьбу своему святому покровителю, и без приключений добрался до порта Цукуси. На протяжении трех лет он молился, чтобы образ, который он бросил в море, вернулся к нему, пока, в конце концов, однажды ночью во сне не получил предупреждение, что на морском побережье в уезде Мацура ему явится Якуси Нёраи. Из-за этого вещего сна он отправился в провинцию Хидзэн и высадился на побережье острова Хирато, где в сиянии яркого света образ, который он вырезал, явился ему дважды верхом на каракатице. Вот так образ вернулся в этот мир чудом. В память о своем выздоровлении от глазной болезни и о своем чудесном спасении на море, чтобы это стало известно всем последующим поколениям, монах основал культ Тако Якуси Нёраи («Якуси Нёраи на каракатице») и пришел в Мэгуро, где выстроил храм, посвященный Фудо¹⁹ Сама, еще одному буддийскому божеству.

В это время в деревне была эпидемия оспы, люди падали и умирали на улице, а монах молился Фудо Сама, чтобы эпидемия прекратилась. Тогда ему явилось само божество и сказало:

– Святой Якуси Нёраи на каракатице, в чей образ ты уверовал, желает обрести место в этом селении, и он избавит всех от оспы. Поэтому ты должен воздвигнуть здесь ему храм, чтобы не только эта эпидемия оспы, но и другие болезни будущих поколений можно было исцелить его силой.

Услышав эти слова, монах пролил слезы благодарности и, выбрав кусок поделочной древесины, вырезал большую фигуру своего святого покровителя на каракатице и поместил меньший образ внутри большого и заложил его в основание храма, к которому по сей день стекаются люди, чтобы излечиться от своих болезней.

¹⁸ «По обещанию», «по обету» (лат.). Вотивные предметы, вотивные дары – различные вещи, приносимые в дар божеству по обету, ради исцеления или исполнения какого-либо желания. Обычай приношения вотивных предметов – смягченная форма жертвоприношения. Традиция известна начиная со времен пещерного человека до наших дней.

¹⁹ Фудо – букв. означает «неподвижный», то есть Будда в состоянии, называемом нирваной.

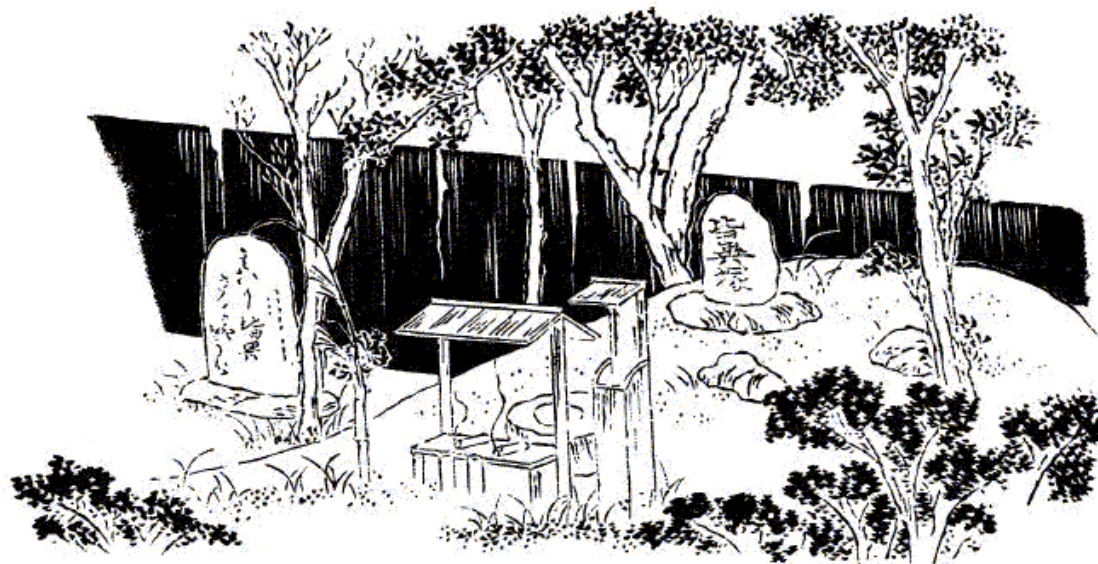
Вот такая чудесная история, переведенная из маленькой плохо напечатанной брошюры, которую продают монахи в храме, все украшения которого, даже бронзовый фонарь *торо* посередине двора, выполнены в виде каракатицы, священного символа этого места.

Разве можно желать место отдыха, где можно провести жаркий день, приятнее, чем тень деревьев, растущих у холма, на котором стоит храм Фудо Сама? Две струи чистой воды, бьющие из скалы, бегут по желобам, вырезанным в форме драконов, в каменный резервуар, огороженный перилами, за которыми видна надпись: «Женщинам вход запрещен». Если вам повезет, вы можете охладиться, наблюдая, как какой-нибудь фанат, почти обнаженный, оставив на себе лишь набедренную повязку, исполняет ритуал под названием *суйгиё*, то есть молится, стоя под струей воды, чтобы его душа очистилась через очищение тела. Зимой требуется немало отваги, чтобы пройти через это испытание, однако я видел, как кающийся посвятил этому более четверти часа в пронзительно холодный день в январе. Летом, с другой стороны, религиозный ритуал под названием *хяку до*, или «сто раз», который также есть возможность здесь увидеть, – немалое испытание терпения. Он состоит из прохождения по сто раз вперед и назад между двумя точками внутри огороженной священной территории, каждый раз повторяя молитву. Счет ведется либо на пальцах, либо отмечается перекручиванием на соломинке каждый раз, как достигается цель. В храме место, отведенное для этого обряда, располагается между гротескным бронзовым изваянием *Тэнгу Сама* (Небесной Собаки), наводящим ужас на детей, самым отвратительным чудовищем с гигантским носом, который нужно потереть пальцем на счастье, а потом приложить палец к собственному носу, и огромным коричневым ящиком с надписью выпуклыми иероглифами *хяку* и *до* (то есть «сто раз»), который обычно бывает полон перекрученных соломинок, использовали для счета. Быть хорошим буддистом – не синекура, ведь богов не так уж легко умиловить. Молитва и пост, умерщвление плоти, воздержание от вина, женщин и любимых блюд являются единственным пропуском к повышению по службе, к преуспеванию в торговле, к выздоровлению от болезни или счастливому браку с полюбившейся девушкой. И одна лишь вера без приложения труда не производит никакого эффекта. Табличка об исполнении соответствующего обета ради благодеяния, за которое возносятся молитвы, либо некая денежная сумма на ремонт храма или святилища, необходимы, чтобы заслужить благосклонность богов. Более бедные люди отрезают косичку своих волос в подношение богам. И в Хориноути, широко известном храме, где-то в восьми или девяти милях от Эдо, есть канат *симэнава* диаметром около двух с половиной дюймов и длиной приблизительно в шесть морских саженей, сплетенный из человеческих волос, отданный в дар богам. Этот канат *симэнава* лежит, свернутый кольцом, грязный, побитый молью и неопрятный, с одной стороны длинного навеса, заполненного табличками и картинками, сбоку от грубых местных средств защиты от пожаров. Отнять жизнь у живого – значит разгневать Будду, и за воротами многих храмов старухи и дети зарабатывают себе на пропитание продажей воробьев, небольших угрей, карпов и черепах, которых верующий выпускает на свободу в честь какого-либо божества, а на самой территории храма петухи, куры и голуби, ручные и не боящиеся человека, сидят на каждом выступе, за каждой застрехой, на опорных столбах, выбирая себе выгодную позицию для наблюдения.

Но из всех вызывающих удивление обычаев, которые я узнал в связи с изучением японских религиозных ритуалов, ни один не показался мне столь странным, как обычай плевать на образы богов, особенно на статуи *Нио*,²⁰ двух громадных красных или красного и зеленого

²⁰ Устрашающего вида и размера статуи Нио принято устанавливать у входа в буддийский храм или непосредственно у помоста с Буддой. Считается, что они служат воплощением божеств Индры (слева) и Брахмы (справа). У правого стража рот всегда открыт, а у левого – закрыт. Тот, что с открытым ртом, символизирует звук «а» – первый звук в Деванагари (разновидность индийского письма) и первый звук, который произносит человек при рождении. Тот, что с закрытым ртом, символизирует звук «ум» – последний звук в Деванагари и последний звук, произносимый человеком перед смертью. Вместе они символизируют рождение и смерть всех вещей в мире. Впрочем, основное предназначение Нио – защита учения Будды от

великанов, которые, подобно Гогу и Магогу,²¹ олицетворяют силу и стоят в качестве охранников в главных буддийских храмах. Фигуры защищены железной проволочной сетью, через которую верующие, все время вознося молитвы, плюют комочками жеваной бумаги. Если бумажный катышек прилипнет к статуе – это добрый знак, если пролетит мимо или упадет – молитва не принята. Внутренняя сторона огромного колокола на усыпальнице *тайкуна* и почти каждая статуя святого во всей стране в таких плевках из благочестивых ртов.²²

塚 翼 比

Могила сиёку

Через это описание храмов и чайных домов я постепенно подошел к цели нашего паломничества – двум старинным осыпающимся могильным камням, стоящим в ряд заросшего кладбища, старого-престарого и позабытого всеми, кроме тех, кто любит докапываться до преданий старины глубокой. Ключ хранится у мерзкой старухи, почти такой же ветхой и замшелой, как и могила, за которой она присматривает. Откликнувшись на наш зов и с нетерпением ожидая вознаграждения за труды, в десять раз большего, чем получила бы она от своих соплеменников, старуха, прихрамывая, подходит к нам и, открыв ворота, указывает на камень с надписью: «Могила сиёку»²³ (мифические птицы, которые живут одна в другой, – таинственная двойственность, заключенная в одном теле, – считаются олицетворением супружеской любви и верности). Подле этого могильного камня стоит еще один с высеченной на нем более длинной легендой, которая гласит:

всяческих посягательств, а в материальном воплощении – охрана храмов от злых духов и дурных людей. Изваяния Нио всегда имеют крайне свирепый вид.

²¹ Гог и Магог в библейской эсхатологии – два народа, нашествие которых потрясет мир незадолго до второго прихода Мессии.

²² Не трудно понять, что обычаи и обряды, которые я здесь упоминал, явно относятся к суевериям, невежество которых перекрывает тот самый чистый буддизм, на очень реальные красоты которого указывал профессор Макс Мюллер.

²³ У птиц сиёку по одному крылу, поэтому летать они могут только вместе.

«В древние времена Гэнроку²⁴ она тосковала по красоте своего возлюбленного, смотреть на которого было все равно что на цветок. А теперь подо мхом этой старинной могильной плиты исчезло все, кроме ее имени. Среди перемен этого изменчивого мира могильный камень разрушается под росой и дождем, постепенно крошится и превращается в пыль, – остаются лишь очертания могилы. Странник! Подай милостыню, чтобы сохранить этот камень, и мы, не жалея сил и трудов своих, поможем тебе от всего сердца. Воздвигнув его снова, сохраним его от тлена для будущих поколений и напишем на нем следующие стихотворные строки: „Эти две птицы, прекрасные, словно цветки вишни, преждевременно ушли из этой жизни, как цветы, сломанные на ветру, не успели дать семена“».

Под первым камнем находится прах Гонпати, грабителя и убийцы, с прахом его верной возлюбленной Комурасаки, которую похоронили вместе с ним. Ее печаль и верность привлекают внимание к этому месту, и верующие до сих пор приходят и жгут благовония и возлагают цветы на могилу. Как она любила его даже после смерти, можно увидеть из следующего старинного предания.

Около двухсот тридцати лет назад в провинции Инаба жил-был на службе у *даймё* молодой человек по имени Сираи Гонпати, который, когда ему исполнилось шестнадцать лет, уже получил фамилию за свою красоту и молодецкую удаль, а также умение владеть оружием. И вот так случилось, что однажды пес, принадлежащий ему, подрался с другой собакой, владельцем которой был его дальний родственник, и оба хозяина собак, будучи вспыльчивыми юношами, выясняя, чей пес победил в драке, поссорились. Дело дошло до рукоприкладства, и Гонпати убил своего соперника и вследствие этого был вынужден бежать из своей провинции и скрываться в Эдо.

Вот так Гонпати отправился странствовать.

Однажды ночью, усталый и со стертыми ногами, он вошел в придорожный постоялый двор, заказал что-то перекусить и отправился спать, даже не подумав об опасности, какая может ему грозить: ведь этот постоялый двор, к несчастью, оказался местом встречи банды грабителей, в когти которых он таким образом невольно попал. Разумеется, в кошельке Гонпати было скудно, но его длинный меч и короткий меч стоили приблизительно триста унций серебра, и именно на них грабители (которых было десять) и положили свой завистливый глаз, решив убить ради них владельца. А тот, ни о чем не подозревая, спал, считая себя в полной безопасности.

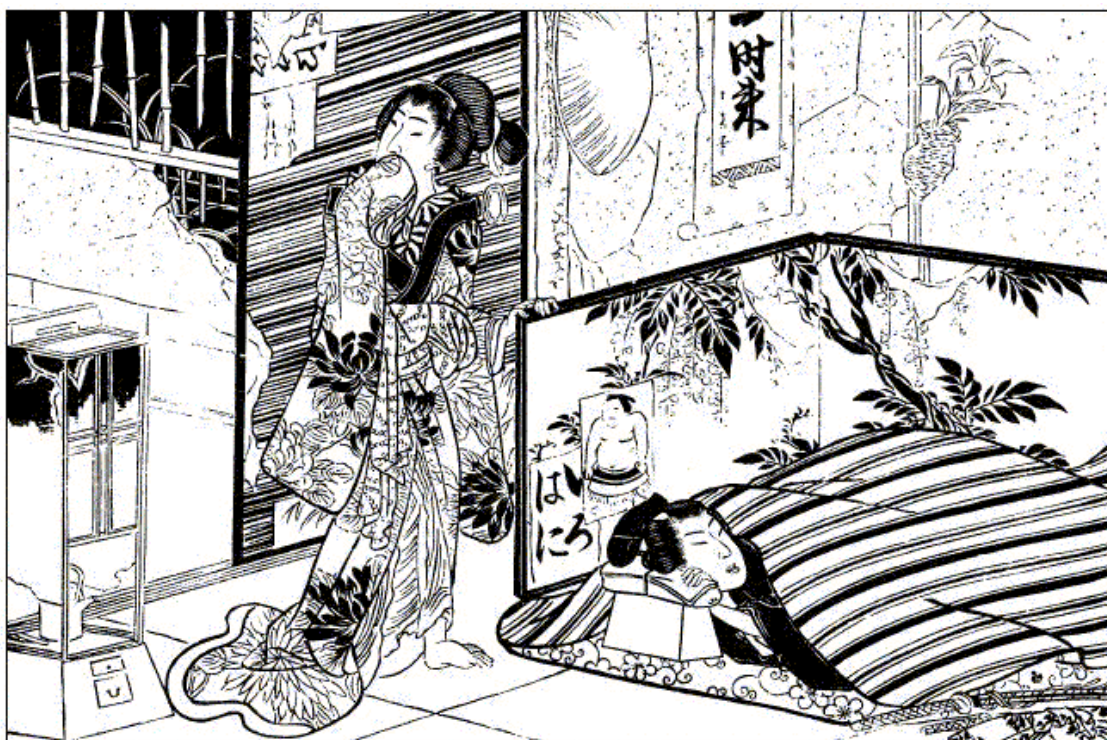
В полночь он очнулся от глубокого сна оттого, что кто-то осторожно открывал скользящую дверь, ведущую в его комнату, и, с трудом поднявшись, увидел перед собой прекрасную юную пятнадцатилетнюю девушку, которая, сделав ему знак не поднимать шума, подошла к его ложу и сказала шепотом:

– Господин, хозяин этого дома – главарь шайки грабителей, которые задумали убить вас сегодня ночью ради вашей одежды и меча. Я же дочь богатого купца из провинции Микава. В прошлом году разбойники ворвались к нам в дом и похитили казну моего отца и меня. Прошу вас, господин, возьмите меня с собой, и давайте убежим из этого отвратительного места.

Она говорила и плакала, и Гонпати сперва был слишком удивлен, чтобы отвечать, но, будучи юношей большой отваги, а в придачу и ловким фехтовальщиком, он скоро восстановил присутствие духа и принял решение убить грабителей и вызволить девушку у них из рук. Поэтому он отвечал:

²⁴ Гэнроку (Гэнроку дзидай) – период с 1688 по 1704 г. В историю Японии годы Гэнроку вошли как время расцвета японской культуры, часто называемое японским Ренессансом.

– Раз вы так говорите, я поубиваю этих воров и спасу вас сегодня же ночью. Только вы должны, когда я начну драку, выбежать из дому на улицу, чтобы быть вне опасности, и оставаться в укрытии до тех пор, пока я не присоединюсь к вам.

Девушка будит Гонпати в логове грабителей

Договорившись обо всем, девушка вышла из его комнаты. Гонпати же лежал без сна, сдерживая дыхание и прислушиваясь. И когда грабители бесшумно проникли в его комнату, полагая, что Гонпати крепко спит, он разрубил мечом первого вошедшего к нему, и тот упал замертво к его ногам. Другие девять, видя это, набросились на него с мечами, но Гонпати, отчаянно сопротивляясь, в конце концов поубивал их всех. Избавившись таким образом от врагов, он вышел из дома и позвал девушку, которая с готовностью прибежала под его защиту, и они вместе отправились в путешествие в провинцию Микава, где жил ее отец. Когда они добрались до Микавы, Гонпати привел девушку в дом старика и рассказал ему, как его дочь, когда он оказался в логове грабителей, пришла к нему в час смертельной опасности и спасла ему жизнь из жалости, и как он, в свою очередь, спас ее от рабства и привел назад домой. Старики, увидев, что дочь, которую они потеряли, вернулась к ним, были вне себя от радости и даже прослезились от счастья. А в благодарность они настояли, чтобы Гонпати остался с ними, приготовили в его честь пиршество и радушно угощали гостя. Но их дочь, которая влюбилась в Гонпати за его красоту и рыцарскую удаль, все дни напролет думала только о нем одном. Однако молодой человек, несмотря на доброту старого купца, который хотел было усыновить его и постарался убедить дать на это согласие, рвался в Эдо, мечтая поступить на службу к какому-нибудь благородному господину офицером, поэтому, вопреки просьбам отца и сладким речам дочери, стал готовиться в путь. А старый купец, видя, что его не свернешь с дороги, вручил ему прощальный подарок в виде двух унций серебра и, печальясь, распрощался с ним.

Но, увы! Печаль девушки, которая надрывала сердце плачем и тосковала по своему возлюбленному, была велика. Он же, все это время думая скорее о своих амбициях, чем о любви, пришел ее утешить и сказал:

– Осуши свои слезы, любимая, и больше не плачь, ведь я скоро вернусь к тебе. Сохраняй мне верность, а также заботься о своих родителях с дочерней почтительностью.

Она утерла слезы и снова улыбнулась, когда услышала его обещание вскоре вернуться к ней. Гонпати пошел своей дорогой и в надлежащее время пришел в окрестности Эдо.

Но выпавшим на его долю опасностям не было конца. Однажды поздней ночью, добравшись до местечка под названием Судзугамори,²⁵ по соседству с Эдо, Гонпати встретил на пути шестерых разбойников с большой дороги, которые напали на него, задумав быстренько прикончить его и ограбить. Нисколько не растерявшись, Гонпати выхватил меч и отправил на тот свет двоих из шестерых, но, так как он устал до изнеможения от длинного путешествия, ему пришлось туго, и остальные теснили его, когда какой-то *тёнин*,²⁶ который случайно проезжал по этой дороге в паланкине *каго*, увидев драку, выпрыгнул из своего паланкина и, обнажив малый меч, бросился на выручку, и они совместными усилиями обратили оставшихся разбойников в бегство.

И вот выясняется, что этот добрый торговец, который, к счастью, пришел Гонпати на помощь, был не кем иным, как Тёбэем из Бандзуина, Отцом *отокодате*, или дружеского сообщества эдоских *тёнинов*, – человеком, вошедшим в анналы города, чья жизнь, подвиги и приключения передаются из уст в уста по сей день и являются предметом другой легенды.

Когда разбойники разбежались, Гонпати, обращаясь к своему спасителю, сказал:

– Не знаю, кто вы такой, господин, но я должен поблагодарить вас за то, что вы спасли меня от большой опасности.

А так как он продолжал выражать свою благодарность, Тёбэй ответил:

– Я всего лишь бедный *тёнин*, скромный человек, зарабатывающий себе на жизнь. И если разбойники стали спасаться бегством, то скорее по счастливой случайности, а не из-за моих достоинств. Но я преисполнен восхищением оттого, как вы сражались, – вы проявили храбрость и умение не по годам, господин.

Молодой человек довольно улыбнулся, услышав похвалу в свой адрес, и сказал:

– Я еще молод и неопытен, и мне до некоторой степени стыдно своего неумелого стиля фехтования.

– А позвольте узнать, господин, кому вы служите?

– Я хотел бы служить кому-нибудь, ведь я – *ронин*, и у меня нет определенной цели на будущее.

– Плохо дело, – сказал Тёбэй с сожалением. – Однако, если вы простите мне дерзость сделать вам предложение, ведь я всего лишь простой *тёнин*, буду рад предоставить в ваше распоряжение место в моем скромном доме, до тех пор пока вы не поступите на службу.

Гонпати принял предложение своего нового, но заслуживающего доверия друга с благодарностью, поэтому Тёбэй отвел его к себе домой, приютил и радушно кормил несколько месяцев. И вот Гонпати, проводя дни в праздности и не заботясь ни о чем, пошел по скользкой дорожке и начал вести беспутную жизнь, не думая ни о чем другом, как только об удовлетворении своих прихотей и желаний. Он зачастил в Ёсивару, городской квартал чайных домов и других соблазнов для необузданных молодых людей, где прекрасное лицо и фигура привлекли внимание и вскоре сделали его любимчиком всех местных красоток.

Приблизительно в это время люди начали во всеуслышание возносить хвалу прелестям некой Комурасаки, или Маленькой Пурпурной Бабочки, юной девушки, которая недавно появилась в Ёсиваре и которая красотой и воспитанием затмила всех своих соперниц. Гонпати,

²⁵ Судзугамори – место в Эдо, где во времена феодализма производились публичные казни.

²⁶ Японские города разделены на городские административные районы, и каждый торговец и ремесленник подчиняется главе административного района, в котором проживает. Слово *тёнин*, или глава административного района, обычно используется как противопоставление слову *самурай*, которое уже объяснялось, и означает человека, принадлежащего к воинскому сословию.

как и все его окружение, был немало наслышан о ее славе и решил пойти к дому под вывеской «Побережье Трех Морей», где она обитала, чтобы удостовериться, заслуживает ли она того, что о ней говорят люди. В один прекрасный день он отправился в «Побережье Трех Морей» и, придя туда, сказал, что хочет посмотреть на Комурасаки, а когда его проводили в комнату, где она сидела, он приблизился к ней. Едва их взгляды встретились, оба отпрянули с возгласом удивления – ведь знаменитая красавица Ёсивары Комурасаки оказалась той самой девушкой, которая за несколько лун до этого спасла Гонпати из логова грабителей и которую он вернул родителям в Микаву. Он оставил ее, любимицу отца, в богатстве и изобилии, когда они обменялись клятвами любви и верности, а теперь встретил в заурядном публичном доме в Эдо. Какая перемена! Какой контраст! Как золото превратилось в ржавчину, а клятвы обернулись ложью!

– Что это?! – воскликнул Гонпати, когда оправился от удивления. – Как получилось, что я нахожу тебя занимающейся этой гнусной профессией, здесь, в Ёсиваре? Прощу, объясни мне, какая за всем этим лежит загадка, я не понимаю.

Но Комурасаки, которая таким вот образом встретила со своим возлюбленным, к которому стремилась, обуревали противоречивые чувства – радость и стыд одновременно, – ответила, рыдая:

– Увы! История моя печальна, и ее долго рассказывать. После того как ты ушел от нас в прошлом году, беды и неудачи постигли наш дом. И когда мои родители стали бедствовать, я голову сломала, думая, как их содержать. Поэтому-то я и продала свое жалкое тело хозяину этого дома и послала деньги отцу и матери, но, несмотря на это, их неприятности и несчастья множились, и в конце концов они умерли от невзгод и горя. Увы! А я, несчастная неудачница, до сих пор живу в этом мире! Но теперь, когда снова встретила с тобой... с тобой, таким сильным... помоги мне, такой слабой. Ты спас меня однажды – умоляю, не оставляй и сейчас! – И пока она рассказывала свою достойную жалости историю, слезы ручьем лились из ее глаз.

– Действительно печальная история, – отвечал Гонпати, тронутый этим рассказом. – Определенно должна быть поразительная полоса неудач, чтобы навлечь такие несчастья на твой дом, который я помню процветающим. Однако не печалься больше, я тебя не оставлю. Верно, я слишком беден, чтобы выкупить тебя из рабства, но в любом случае придумаю что-нибудь, чтобы ты больше не страдала. Поэтому люби меня и надейся на меня.

Услышав, что он говорит так доброжелательно, молодая женщина успокоилась и больше не плакала, забыв о своих прошлых печалях в радости от новой встречи с ним.

Когда настало время расставания, он нежно обнял ее и вернулся в дом Тёбэя, но никак не мог избавиться от мыслей о Комурасаки и целый день думал только о ней. Вот так и случилось, что с того дня он ежедневно приходил в Ёсивару, чтобы увидеться с ней, а если по какой-то случайности задерживался, она, тоскуя без привычного свидания, начинала волноваться и писала ему, спрашивая о причине отсутствия. В конце концов от такого образа жизни кошелек Гонпати истощился, но, поскольку молодой человек был *ронином* без какой бы то ни было постоянной службы, он не имел возможности возобновить свой денежный запас, а показываться в «Побережье Трех Морей» без гроша за душой ему было стыдно. Тогда-то в нем и проснулось злое начало – он вышел на улицу, убил человека, забрал его деньги и принес их в Ёсивару.

Дальше дело пошло еще хуже – ведь тигр, который хоть раз попробовал крови, становится кровожадным. Слепленный чрезмерной любовью, Гонпати продолжал убивать и грабить, и, хотя внешне он все также оставался очень привлекательным мужчиной, его внутреннее «я» было сродни отвратительному дьяволу. В конце концов даже друг Тёбэй больше не смог выносить его присутствия и выдворил молодого человека из своего дома. Но, как уже говорилось, за пороки и добродетели рано или поздно воздается, и случилось так, что о преступлениях Гонпати стало известно. Правительство послало своих агентов по его следам, его поймали с

поличным и арестовали. Когда зловещие преступления Гонпати были доказаны полностью, его привели на место казни в Судзугамори, или «Рошу Колокольчиков», и обезглавили, как обычного преступника.

И вот, когда Гонпати лишился жизни, прежняя симпатия Тёбэя к юноше вернулась, и, будучи добрым и религиозным человеком, он пошел и потребовал его тело и голову, чтобы похоронить в Мэгуро, на территории храма Борондзи.

Комурасаки прослышала, что люди в Ёсиваре сплетничают о кончине ее возлюбленного, и печали ее не было границ, поэтому она тайком сбежала из «Побережья Трех Морей», добралась до Мэгуро и бросилась на свежую могилу. Долго она молилась и горько плакала на могиле того, кого, несмотря на все его пороки, так сильно любила, а потом, вынув из-за пояса кинжал, вонзила его себе в грудь и умерла. Монахи храма, увидев, что произошло, были поражены верностью в любви этой красивой девушки, и, пожалев ее, они положили ее рядом с Гонпати в одну могилу, а на могиле установили камень с надписью «Могила сиёку», который сохранился по сей день. И до сих пор люди из Эдо посещают это место, и до сих пор восхваляют красоту Гонпати, дочернюю почтительность и верность Комурасаки.

Давайте задержимся на этом старинном кладбище. Японское слово, которое я перевел как «верность в любви», буквально означает «целомудрие». Когда Комурасаки продала свое тело, чтобы обеспечить нужды разорившихся родителей, она, по своим понятиям, не нарушила клятвы верности. Напротив, она не могла совершить большего подвига дочерней почтительности, и поэтому самопожертвование этой женщины не вызывает осуждения у народа и достойно лишь похвалы в глазах японцев. Такое представление ведет к жесточайшему непониманию иностранцев, и действительно, ни одна сторона жизни в Японии не была столь сильно представлена в ложном свете, как эта. Я слышал, как говорили, и видел напечатанным, что для респектабельного японца не считается позорным продать свою дочь, что мужчины высокого социального статуса из благородных семей часто выбирают себе жен из таких мест, как «Побережье Трех Морей», и что до момента свадебной церемонии поведение молодой девушки вообще не имеет значения. Нет ничего более несправедливого или более несоответствующего действительности. Только самые нуждающиеся люди продают своего ребенка, чтобы он стал прислугой, певичкой или проституткой. Действительно, время от времени случается, что дочь самурая или человека благородного происхождения попадает в дома с дурной славой, но такое может произойти лишь после смерти или крайнего разорения родителей. Официальное изучение этого вопроса доказало, что подобные случаи настолько исключительны, что присутствие молодой девушки *благородного* происхождения в таком месте придает ему больше привлекательности, ее превосходное образование и воспитание, а также другие достоинства придают лоск дому. А что касается женитьбы мужчины благородного происхождения на женщине дурного поведения, то разве подобное неизвестно в Европе? Разве дамы полусвета никогда не выходили выгодно замуж? Мезальянсы в Японии встречаются гораздо реже, чем у нас. Конечно, среди представителей низших сословий такие браки могут время от времени заключаться, поскольку зачастую случается так, что женщина может вступить в брак с мужчиной, прельстившимся ее жалким приданым, но среди представителей дворянства страны о таких браках сведений нет. И все-таки девушка не считается опозоренной, если ради своих родителей продает себя и ведет жизнь, полную страданий. Ведь не зря, когда японец входит в дом с дурной славой, его заставляют оставлять меч и кинжал *вакидзаси* у дверей. Причин тому две — во-первых, чтобы предотвратить вооруженные стычки, а во-вторых, потому, что всем известно: некоторые из женщин, обитающих там, до такой степени ненавидят собственное существование, что готовы положить ему конец, если только сумеют добраться до оружия.

Любопытно, что во всех приамковских городах *даймё*, за исключением тех, которые к тому же являются портами, открытая проституция строго запрещена, хотя, если полагаться на отчеты, общественная мораль скорее проигрывает, чем выигрывает от таких запретов.

Существующее неверное представление о проституции в Японии можно отнести на счет того, что иностранные авторы, основываясь на собственных представлениях о пороках открытых портов, не колеблясь объявляют японских женщин лишенными целомудрия. Точно так же и японец, который пишет об Англии, может сделать выводы о женах, сестрах и дочерях этих самых авторов исходя из собственного представления об уличных девках Портсмута или Плимута. В некоторых отношениях пропасть между пороком и добродетелью в Японии гораздо шире, чем в Англии. На Востоке куртизанка заточена в определенном квартале города, и ее можно узнать по особенно яркой, кричащей одежде и по прическе, утыканной легкими черепашковыми шпильками, воткнутыми вокруг головы, словно нимб позора, который шокирует скромную женщину. Порок разыгрывает добродетель в общественных местах, добродетель имитирует моду, установленную пороком, покупая безделушки или мебель на ярмарке тщеславия – подобных общественных явлений Восток не знает.

Обычай, существующий среди низших сословий, когда в общественных банях моются без разделения полов, – еще одно обстоятельство, способствующее распространению за границей совершенно неверного представления о целомудрии японских женщин. Любой путешественник будет этим шокирован, а любой писака найдет в этом тему для странички с пикантными подробностями. Однако следует заметить: только те, кто настолько беден, что не может позволить себе принять ванну дома, в конце рабочего дня ходят в общественную баню, чтобы освежиться, прежде чем сесть за ужин. Привыкнув к такому зрелищу с детства, они не видят в нем ничего нескромного, для них это дело само собой разумеющееся. И *honi soit qui maly pense*:²⁷ определенно в посещении совместной общественной бани гораздо меньше непристойности и аморальности, чем в разнородном скоплении представителей обоего пола всех возрастов, позорящем наши меблированные комнаты в больших городах, и в отвратительных лачугах, где вынуждены влачить свою жизнь наши чернорабочие. Нельзя сказать, что среди низших сословий Японии меньше скромности в отношениях полов, чем в Европе. Однажды, затронув эту тему в разговоре с японским господином благородного происхождения, я заметил, что у нас считается неприличным, чтобы женщины и мужчины мылись вместе. В ответ он пожал плечами: «Тогда у вас, европейцев, слишком похотливый образ мыслей». Некоторое время назад, на открытии порта Йокогама, правительство из уважения к предубеждениям иноземцев запретило мужчинам и женщинам мыться вместе, и, вне всякого сомнения, это было первым шагом на пути к повсеместной отмене этой практики. Что же касается эдоских женщин, принимающих ванну прямо на улице, о чем читал в книгах, написанных иностранцами, скажу следующее: на протяжении своего трехлетнего проживания в Японии я вдоль и поперек исходил каждый квартал Эдо в любое время суток и ни разу не видел ничего подобного. Лично я думаю, что речь шла о каких-либо горячих минеральных источниках в отдаленных сельских районах.

Лучшим ответом общему обвинению в аморальности, выдвигаемому против незамужних японских женщин, будет тот факт, что каждый мужчина, который может себе это позволить, держит всех девушек своей семьи под тщательным присмотром и в строжайшем уединении. Дочь бедняка действительно должна работать и выходить из дому, но ни одному мужчине не дозволяется приближаться к дочери господина благородного происхождения. А ее учили, что кинжал, который она носит за поясом, предназначен для того, чтобы им воспользоваться, если ей будет нанесено какое-либо оскорбление, а не просто признак ее социального статуса. Не так давно в доме одного из высокопоставленных титулованных лиц в Эдо произошла трагедия. Служанка хозяйки, сама барышня благородной крови и наделенная редкой красотой, привлекла внимание одного из вассалов *даймё*, который отчаянно в нее влюбился. Долгое время строгие правила приличий, которыми она была окружена, не давали воздыхателю объявить о

²⁷ Стидно тому, кто плохо подумает (лат.) – девиз ордена Подвязки. Девиз пишется на ленте ордена Подвязки, которая многократно встречается на различных английских монетах.

своей страсти, но в конце концов он нашел возможность встретиться с завладевшей его сердце женщиной и так далеко зашел в излишнии чувств, что она, вытащив кинжал, ударила ему в глаз, и его, бездыханного, вынесли прочь, а вскоре он скончался. Заявление девушки, что покойный пытался ее оскорбить, было сочтено достаточным оправданием ее поступка, и вместо того чтобы обвинить в убийстве, ее восхваляли и превозносили за доблесть и целомудрие. Поскольку это произошло в четырех стенах облеченного властью дворянина, официального расследования этого дела, которое входило в компетенцию чиновников дворца, произведено не было. Правдивость этой истории подтвердили несколько особ, слову которых у меня нет причин не доверять, и тем более потому, что они имели некоторое отношение к этому делу. Сам же я могу засвидетельствовать, что это в полном соответствии с моралью японцев и определенно кажется более справедливым, чтобы Лукреция убила Тарквина,²⁸ а не себя.

Чем лучше узнаешь и начинаешь понимать японский народ, тем более уверяешься, что огульные нападки на японских женщин – это огромная несправедливость по отношению к японскому народу. Пишущая братия, я полагаю, согласится с тем, что японские замужние женщины, как правило, безупречны. Но если, как я утверждаю, японские девушки целомудренны, чего не может не быть в силу обстоятельств, какой толк во всех обвинениях в пороках и нескромности? Разве это не отскакивает рикошетом в обвинителей, которые, видимо, изучали поведение японских женщин только на примере шлюх из Йокогамы?

Сделав столь пространное вступление, я попробую предоставить читателю картину знаменитого квартала Ёсивара²⁹ в Эдо, который будет часто упоминаться в процессе моих сказаний.

В конце XVI века эдоские куртизанки жили в специально отведенных для них местах – это была улица под названием Кодзимати, на которой селились женщины, приехавшие из Киото, улица Камакура и местечко напротив большого моста. В последних двух местах проживали женщины, привезенные из Суруги. После них идут женщины из Фусими и Нары, которые селились то здесь, то там по всему городу. Это показалось скандальным некоему реформатору по имени Сёдзи Дзинъэмон, который в 1612 году адресовал правительству петицию, ходатайствуя, чтобы женщин, живущих в разных частях города, собрать в один «квартал цветов». Его ходатайство было воплощено в жизнь в 1617 году, и он остановился на месте под названием *Фукия-тё*, которое по причине росшего там большого количества камыша было названо Ёси-Вара, или Камышовое болото. Это название в наши дни является игрой слов. Слово *ёси* пишется двумя китайскими иероглифами со значением *удачливое* или *счастливое болото*. Эта территория была разделена на четыре улицы, названные Эдоская улица, Вторая Эдоская улица, Киотская улица, Вторая Киотская улица.

В месяце восьмой луны 1655 года, когда Эдо стал разрастаться, а его влияние усиливаться, квартал Ёсивара, сохранив свое название, был целиком и полностью переселен в северную сторону города. И улицы в нем были названы по тем местам, из которых большая часть обитательниц изначально приехала, – улица Сакаи, улица Фу-сими и т. д.

Официальный путеводитель по кварталу Ёсивара за 1869 год дает сведения о наличии 153 публичных домов, содержащих 3289 куртизанок всех разрядов – от *ойран*, или гордой красавицы, которая, одетая в пышные, расшитые золотом и серебром одежды, с выбеленным лицом и позолоченными губами и черненными по моде зубами, держит всех юных эдоских аристократов у своих ног, до скромной *синдзё*, или белозубой женщины, влачащей жалкую жизнь в

²⁸ Тарквин – младший сын Тарквиния, 7-го римского царя, который правил 35 лет и был свергнут с трона из-за того, что обесчестил Лукрецию.

²⁹ Иногда считается, что название Ёсивара, которое становится нарицательным для всех «кварталов цветов», районов, занимаемых борделями, происходит от городка Ёсивара, в Саншайне, поскольку бытовало мнение, что женщины из этого места составляли большую часть красоток квартала Ёсивара в Эдо. Правильное происхождение этого слова, по-видимому, то, что дается ниже.

заурядном публичном доме. Однако эти цифры не составляют полную картину проституции в Эдо. Ёсивара – главное, но не единственное место проживания публичных женщин. В квартале Фукагава имеется еще один «квартал цветов», построенный по принципу Ёсивары, в то время как в отелях кварталов Синагава, Синдзюку, Итабаси, Сэндзи и Кадзукаппара есть женщины, которые формально называются официантками, а в действительности – проститутки.

Также существуют женщины, называемые *дзигоку-онна*, или дьяволицы, которые не значатся в списках ни одного публичного дома, живут в собственных домах и занимаются своим ремеслом тайно. В целом, я полагаю, число проституток в Эдо на удивление невелико, принимая во внимание огромный размер города.

В Ёсиваре 394 чайных дома, которые широко используются в качестве мест для любовных свиданий, что по таким случаям оплачивается, но не посетителями, а владельцами публичных домов. К тому же существует мода проводить обеды и вечеринки с выпивкой в этих домах, для чего пользуются услугами *тайкомоти*, или развлекателей, среди которых имеется тридцать девять основных знаменитостей – певец и танцовщица. Путеводитель по кварталу Ёсивара дает список пятидесяти пяти знаменитых певцов, а кроме них, множество звезд не столь крупной величины. Этих женщин нельзя путать с куртизанками. За их поведением строго следят хозяева, и они всегда выходят на вечеринки парами или группой, так чтобы можно было следить друг за другом. Однако, вне всяких сомнений, несмотря на предосторожности, золотой дождь время от времени льется в подол Данаи, и быть избранным любовником модной певицы или танцовщицы – предмет гордости легкомысленных юных японских аристократов. Плата певицам за выступление на протяжении двух часов составляет один шиллинг и четыре пенса каждой, за шесть часов плата учетверяется. Также существует обычай давать девушкам деньги или подарок помимо обычной платы, которая идет хозяину труппы, к которой они принадлежат.

Куртизанок, певичек и танцовщиц агенты покупают по контракту либо еще детьми, когда их воспитывают и обучают профессии, либо в подростковом возрасте, когда их навыки и обаяние могут гарантировать прибыль от инвестиций в них. Срок контракта никогда не бывает пожизненным, ведь, миновав пору юношеского цветения, бедняжки станут обузой для своего хозяина. Куртизанку обычно покупают до достижения ею возраста двадцати семи лет, после чего она снова принадлежит только себе. Певицы работают дольше, но даже они редко поют после тридцати – ведь японские женщины, как итальянки, старятся быстро, и у них нет той промежуточной стадии между юностью и старостью, что, видимо, характерно лишь для стран, где бывают сумерки.

Детей, предназначенных для обучения профессии певицы, обычно покупают в пятишестилетнем возрасте, – такой ребенок стоит приблизительно от тридцати пяти до пятидесяти шиллингов. Покупатель осуществляет обучение за свой счет и воспитывает малыша как собственного ребенка. Родители подписывают бумагу, освобождающую их от ответственности на случай болезни или увечья, но они знают, что их ребенка будут лечить и выхаживать, – ведь интерес покупателя является их материальной гарантией. Девочки пятнадцати лет и старше, которые достаточно обучены, чтобы вступить в компанию певцов, идут по цене в десять раз больше, чем дети, так как в этом случае риск отсутствует и трат на обучение тоже нет.

За маленьких детей, которых покупают для того, чтобы сделать их проститутками, в возрасте пяти или шести лет, платят приблизительно ту же цену, что и за тех, которых покупают, чтобы сделать певицами. В период их обучения они прислуживают *ойран*, или пользующимся спросом куртизанкам, выполняя работу служанок (*камуро*³⁰). В большинстве случаев это дети бедняков либо сироты, которых жестокие родственники продали, чтобы не тратить денег и сил на их воспитание. Среди девочек, которые с возрастом вступают в профессию, есть сироты,

³⁰ Камуро – ученица и служанка куртизанки, выполняющая несложные повседневные поручения.

не имеющие иных средств к существованию. Другие же продают свои тела из дочерней почти-тельности, чтобы помочь больным или нуждающимся родителям. Замужние женщины попадают в Ёсивару, чтобы обеспечивать потребности своих мужей. И очень небольшой процент набирается девушек, которых соблазнили и покинули, а возможно, и продали неверные возлюбленные.

Лучше всего отправляться на экскурсию в квартал Ёси-вара после наступления сумерек, когда зажигаются фонари. Именно в это время женщины, последние два часа занятые тем, что золотили губы, чернили брови, белили шею и грудь, старательно оставляя три коричневых полосы в виде кружевного воротника с зубцами там, где затылок соединяется с шеей, в соответствии с одним из строжайших правил японской косметической науки, выходят из задних комнат и занимают свои места в некоем подобии длинной узкой клетки, деревянные решетки которой выходят на оживленную улицу. Здесь они, величественные, в шелковых нарядах, вышитых золотом и серебром, сидят часами, безмолвные и неподвижные, словно восковые фигуры, до тех пор, пока не привлекут внимание какого-нибудь прохожего, толпы которых начинают заполнять улицы. Действительно, в Йокогаме и в других открытых портах женщины квартала Ёсивара громко зазывают посетителей, частенько оживляя монотонность родной речи богохульными выражениями и ласковыми словечками, которым они научились у британских и американских матросов. Но в эдоском «квартале цветов» и повсюду в Японии, где придерживаются национальных обычаев, преобладают крайне строгие внешние приличия. Хотя форма, которую принимает порок, достаточно безобразна, все же она имеет то достоинство, что порок этот ненавязчивый. Никогда чистый не будет запятнан нечистым. Тот, кто посещает Ёсивару, идет туда, прекрасно зная, что именно там найдет, но добродетельный человек может прожить всю жизнь без того, чтобы порок был у него перед глазами. Йокогама ночью – место столь же прокаженное, как и лондонская улица Хаймаркет.

Публичная женщина или певица при вступлении в профессию берет псевдоним, под которым она будет известна до тех пор, пока срок ее контракта не закончится. Некоторые из этих имен столь милы и причудливы, что я взял несколько образчиков из «Ёсивара Сайкэн» – путеводителя, на основе которого и написано это обозрение. Сосенка, Маленькая Баттерфляй, Яркость Цветка, Драгоценная Река, Золотая Гора, Жемчужная Арфа, Аист, Живущий Тысячу Лет, Цветочная Деревня, Морской Берег, Дракончик, Пурпур, Серебро, Хризантема, Водопад, Белое Сияние, Вишневый Лес – эти и множество других причудливых образов – единственное очарование очень грязного места.

МЕСТЬ КАДЗУМЫ

Закон гласит: тот, кто живет мечом, от меча и умрет. В Японии, где существует большое воинское сословие, над которым практически нет никакого контроля, сословные и клановые стычки, а также личные ссоры, заканчивающиеся кровопролитием и смертью, – явления повседневные. И если проводить параллель между европейским и японским миром, то, по-видимому, лучше всего провести ее между Эдинбургом в старые добрые времена, когда представители кланов, бесчинствовавшие на улицах по ночам, переходят от высокопарных слов к смертельным ударам, и современным Эдо или Киото.

Отсюда следует, что из принадлежащего ему имущества самурай больше всего дорожит мечом, своим постоянным товарищем и союзником, средством защиты и нападения. Цена меча, выполненного известным мечником, достигает большой суммы: за поясом японца благородного происхождения иногда можно обнаружить меч, лезвие которого без ножен стоит от 600 до 1000 *рё* (приблизительно от 200 до 300 английских фунтов), а ножны тонкойковки соответственно увеличивают эту цену. Такие мечи передаются в качестве фамильной ценности от отца к сыну и становятся почти неотъемлемой частью своего владельца. Иэясу, основатель последней династии *сёгунов*, писал в своем «Наследии», своде правил, составленном для руководства преемникам и их правительственным советникам: «Поясной меч является живой душой самурая. В случае если самурай забудет надеть свой меч, действуйте как указано: такое нельзя оставить незамеченным».

Ремесло мечника – почетная профессия, представители этого ремесла благородной крови. В стране, где занятие каким-либо ремеслом считается занятием унижительным для благородного господина, странно обнаружить такое единичное исключение из общего правила. Традиции этого ремесла многочисленны и любопытны. При наступлении самого критического моментаковки меча, когда стальная заготовка превращается в острое лезвие, существует обычай, которого до сих пор придерживаются оружейники старой закалки, – надевать шапку и платье *кугэ*, или придворных *микадо*, и, закрыв двери мастерской, трудиться тайком, чтобы никто не мог помешать. Полумрак добавляет этому действию таинственности. Иногда этому случаю придается ореол священности – соломенная веревка с кистями, такая, какие висят перед святилищами богини Ками или других древних японских божеств, подвешивается между двумя бамбуковыми шестами в кузнечном горне, который для этого случая превращается в священный алтарь.

В Осаке я проживал напротив некоего Кусано Ёсиаки, мечника, умнейшего и любезнейшего господина, известного соседям добрыми и милосердными поступками. Философия его жизни заключалась в том, что поскольку он был взращен для ремесла, которое «торгует» жизнью и смертью, то обязан, насколько это в его силах, искупить это стремлением облегчить страдания, существующие в мире, и он придерживался своего принципа до такой степени, что сам обеднел. Ни один сосед не знал от него отказа в просьбе, будь то уход за больным или похороны умершего. Ни один нищий или прокаженный не уходил от его дверей, не получив ничего от его щедрот либо в виде денег, либо в виде доброго поступка. А его честность, доходящая до щепетильности, не менее примечательна, чем милосердие. В то время как другие мечники имели обыкновение грести большие деньги, подделывая клейма знаменитых старых мастеров, он мог похвастать, что ни разу не выковал оружия, которое носило бы не его личное клеймо. Он унаследовал свое ремесло от отца и его предков, которое, в свою очередь, передавал сыну – трудолюбивому, честному человеку крепкого здоровья, звон молота которого о наковальню слышен был от рассвета до заката.

Ковка меча

Острота кончика японского меча легендарна. Говорят, что самые лучшие лезвия в руке человека, преуспевающего в искусстве владения мечом, разрубает за один удар мертвые тела трех человек, сложенные друг на друга. Мечи *сёгуна* обычно испытывают на подвергаемых казни преступниках. Эта обязанность доверена государственному палачу, но за «лекарство для носа», то есть взятку в два *бу* (около трех шиллингов), он может подменить оружие своего господина оружием взяточника. Негодяи нередко опробуют свои мечи на бродячих собаках и нищих, беспомощно лежащих в придорожной канаве, однако палач получает щедрую плату от тех, кто желает увидеть, как лезвие их меча отрубает голову человека.

Государственный деятель, который решил бы издать закон, запрещающий ношение этого смертоносного оружия, сослужил бы своей стране хорошую службу, но это будет очень сложная задача, а к тому же и опасная. Немного бы я дал за жизнь этого человека. Рука каждого рубака в империи была бы поднята на него. Как-то мы беседовали на эту и другие подобные темы, и один мой друг, человек передовых и либеральных взглядов, записал свое мнение следующей стихотворной строфой: «Хотелось бы мне, чтобы все мечи и кинжалы, какие только есть в стране, были бы собраны в одном месте и расплавлены, а из полученного металла был выкован один огромный меч, который стал бы единственным мечом – поясным мечом Великой Японии».

Следующее повествование во всех отношениях ближе к этой теме, чем «Притча о мече».³¹

³¹ Имеется в виду старинная японская притча о мече двух мастеров – оружейника Масамунэ и Мурамасы, ни один из которых не мог превзойти другого. Когда оба соперника вонзили клинки мечей в дно горного ручья, то все плывущие по течению листья, прикасавшиеся к мечу Мурамасы, оказывались рассеченными пополам; листья же, плывущие к мечу Масамунэ,

Приблизительно двести пятьдесят лет назад властителем провинции Инаба был Икэда Кунайсё. Среди его подданных было два благородных господина, которых звали Ватанабэ Юкиэ и Каваи Матадзаэмон. Связанные друг с другом тесными узами дружбы, они имели привычку часто ходить друг к другу в гости. Однажды Юкиэ сидел за разговорами с Матадзаэмоном в доме последнего, когда совершенно неожиданно его взгляд упал на меч, лежащий в *токонома*. Увидев его, он вздрогнул и спросил:

– Умоляю, скажи мне, откуда у тебя этот меч?

– Ну, как тебе известно, когда господин Икэда последовал за господином Токугавой Иэясу, чтобы участвовать в сражении при Нагакудэ, мой отец был в его процессии, и этот меч он подобрал в битве при Нагакудэ.

– Мой отец тоже был там и погиб в сражении, а его меч, наша фамильная реликвия на протяжении многих поколений, потерялся именно в это время. Так как он представляет для меня огромную ценность, я хочу, если только у тебя нет на него особых видов, чтобы ты оказал любезность и вернул меч мне.

– Нет ничего проще! Чего только не сделаешь для друга! Прошу, возьми его.

После таких слов Юкиэ с благодарностью принял меч, отнес его домой и тщательно спрятал.

В начале следующего года Матадзаэмон заболел и умер, а Юкиэ, горько скорбя о потере доброго друга и искренне желая отплатить добром за возврат отцовского меча, сделал много хорошего сыну умершего, молодому двадцатидвухлетнему человеку по имени Матагоро.

А этот самый Матагоро оказался подлым и плохо воспитанным, он пожалел меч, отданный его отцом Юкиэ, и часто жаловался на людях, что Юкиэ так и не сделал подарка в ответ, поэтому тот прослыл во дворце господина скупым и скаредным человеком.

У Юкиэ был сын по имени Кадзума, шестнадцатилетний юноша, служивший в почетном карауле князя. Однажды вечером, когда он и его собрат по службе мирно беседовали, последний обмолвился:

– Матагоро рассказывает всем и каждому, что твой отец принял в дар от него прекрасный меч, но так и не получил подарка в обмен. И об этом уже расплзаются сплетни.

– Действительно, – отвечал Кадзума, – мой отец получил этот меч от отца Матагоро в знак дружбы и доброй воли и, сочтя, что посылать за него деньги будет оскорбительно, решил отплатить за это добрыми поступками в отношении Матагоро. Полагаю, тот желает, чтобы ему заплатили.

Когда дежурство Кадзумы закончилось, он вернулся домой и отправился в отцовские покои сообщить ему о сплетнях, распространявшихся во дворце, и попросил его послать Матагоро щедрую сумму денег. Юкиэ задумался, а потом сказал:

– Ты слишком молод, чтобы понимать верную линию поведения в подобных делах. Мы с отцом Матагоро были очень близкими друзьями, поэтому, увидев, что он по своей щедрости вернул мне меч моих предков, я, намереваясь отплатить за его доброту, после его смерти оказывал важные услуги Матагоро. Уладить это дело, послав ему денег в подарок, было бы легче легкого, но лучше я верну этот меч, чем буду в долгу у этого подлого невоспитанного невежды, который не знает законов общения и дружеских отношений людей благородной крови.

И Юкиэ в праведном гневe отнес меч Матагоро домой и сказал ему:

– Я пришел в твой дом сегодня вечером с одной целью – вернуть тебе меч, который отдал мне твой отец. – С этими словами он положил меч перед Матагоро.

– В самом деле, – отвечал тот, – полагаю, вы не хотели меня задеть, возвращая подарок, который сделал вам мой отец.

– Среди людей благородного происхождения, – продолжил Юкиэ с презрительным смешком, – существует обычай благодарить за подарки в первую очередь добром, а затем подходящим случаем даром, подносимым от всего сердца. Но что толку говорить об этом с невеждой, который и понятия не имеет ни о *гири*,³² ни о воспитании, поэтому я имею честь отдать тебе этот меч назад.

Юкиэ продолжил горько укорять Матагоро, отчего тот сильно разгневался, и убил бы Юкиэ на месте, но, зная, что старик отлично владеет мечом, струсил и, будучи негодяем, вознамерился выждать момента, когда сможет напасть на него врасплох. Не подозревая такого вероломства, Юкиэ отправился домой, а Матагоро, сделав вид, что хочет проводить его до двери, пошел за ним следом, обнажил меч и нанес ему удар в плечо. Старик, обернувшись, выхватил меч из ножен и стал защищаться, но рана, которую он получил, оказалась очень глубокой, и вскоре он лишился сознания от потери крови. Тогда Матагоро убил его.

Матагоро убивает Юкиэ

Мать Матагоро, услышав шум схватки, вышла из своих покоев, а когда узнала о содеянном, пришла в ужас и сказала:

– Какой же ты вспыльчивый! Что ты наделал? Ты – убийца, и теперь заплатишь за это жизнью!

– Я убил его, и тут ничего не поделаешь. Давай, мама, прежде чем об этом станет всем известно, бежим из дома.

– Я последую за тобой, а ты иди и найди господина Абэ Сирогоро, предводителя *хатамото*,³³ который доводится тебе молочным братом. Тебе лучше бежать под его защиту и скрыться у него.

³² Гири – этическая норма, предполагающая и обязательство, и ритуал выполнения обязательства, и долг благодарности. Обычно проявляется в общении вышестоящего лица с нижестоящим.

³³ Хатамото были феодальными вассалами сёгуна, или тайкуна благородного происхождения. Институт тайкуна был упразднен, а с ним прекратили свое существование и хатамото.

Вот так старуха и послала своего сына во дворец Сирогоро.

Случилось так, что именно в это самое время *хатамото* сплотились в союз против могущественных *даймё*, а Абэ Сирогоро с двумя благородными господами по имени Кондо Нобориносукэ и Мидзуно Дзюродзаэмон стояли во главе этого союза. Само собой разумеется, в войско Абэ Сирогоро зачастую вербовали людей порочных, у которых не было возможности зарабатывать себе средства к существованию другим способом. Им не задавали никаких вопросов об их прошлой жизни. И уж тем более, когда к Абэ Сирогоро обратился с просьбой о предоставлении убежища сын его кормилицы, он охотно взял его под свое покровительство и дал гарантию, что отныне тому не грозит никакая опасность. Он позвал к себе начальников *хатамото* и представил им Матагоро, сказав:

– Этот человек – вассал Икэды Кунайсёю, который, возненавидев человека по имени Ватанабэ Юкиэ, убил его и бежал ко мне под защиту. Мать этого человека была моей кормилицей, и всеми правдами и неправдами я буду помогать ему. Следовательно, если Икэда Кунайсёю отправит ко мне гонца с требованием выдать ему моего молочного брата, надеюсь, вы все как один соберетесь с силами и поможете мне защитить его.

– Мы с удовольствием это сделаем! – отвечал Кондо Нобориносукэ. – У нас уже давно есть причина жаловаться на презрение, с которым *даймё* к нам относятся. Пусть только Икэда Кунайсёю потребует этого человека, и мы покажем ему всю силу и мощь *хатамото*.

Все остальные *хатамото* единодушно выразили свое согласие и решимость аплодисментами и подготовились к вооруженному сопротивлению на случай, если господин Кунайсёю отправит гонца с требованием выдать Матагоро. Так что он пребывал в доме Абэ Сирогоро как желанный гость.

Ватанабэ Кадзума с наступлением ночи понял, что его отец Юкиэ не вернулся домой, заволновался и отправился на поиски его в дом к Матагоро. К своему ужасу, обнаружив, что отец убит, бросился к его телу и заплакал. Тут в голову ему пришла мысль, что это определенно дело рук Матагоро, поэтому он в ярости бросился в дом с намерением зарубить убийцу своего отца на месте. Но Матагоро к тому времени уже скрылся, и он нашел только его мать, которая делала приготовления, чтобы последовать за сыном в дом Абэ Сирогоро. Он связал старуху и обыскал весь дом в поисках сына, но, видя, что поиски не приносят результата, увел мать и вручил ее одному из старейшин рода, одновременно выдвинув обвинение Матагоро в убийстве своего отца.

Об этом происшествии сообщили князю, тот сильно разгневался и приказал оставить старуху связанной и держать в темнице до тех пор, пока не обнаружится местонахождение ее сына. Кадзума же похоронил тело отца с большими почестями. Вдова и сирота горько оплакивали свою потерю.

Вскоре среди людей Абэ Сирогоро распространился слух, что мать Матагоро томится в темнице за преступление сына, и они сразу же принялись строить план ее освобождения, поэтому отправили гонца во дворец господина Кунайсёю, который, когда его представили советнику князя, сказал:

– Прослышали мы, что из-за убийства Юкиэ мой господин имел удовольствие заключить в темницу мать Матагоро. Наш хозяин Сирогоро держит преступника под арестом и доставит его к вам. Но ведь его мать не совершила никакого преступления, поэтому мы просим, чтобы ее освободили из узилища, так как наш хозяин, ее молочный сын, ходатайствует перед вами о том, чтобы сохранить ей жизнь. Если вы согласны, то завтра мы передадим вам убийцу за воротами дома нашего хозяина.

Советник повторил это предложение князю, и тот, довольный, что Кадзума уже на следующий день сможет отомстить за смерть своего отца, тотчас согласился, а посыльный вернулся, торжествуя по поводу удачного завершения своей миссии. На следующий день князь приказал

посадить мать Матагоро в паланкин и отнести к жилищу *хатамото*, под ответственность вассала по имени Сасаво Данъэмон, который по прибытии к дверям дома Абэ Сирогоро сказал:

– Мне поручено сопровождать к вам мать Матагоро, а также у меня санкция в обмен получить ее сына из ваших рук.

– Мы немедленно передадим его вам, но, так как мать и сын приготовились сказать друг другу последнее прощание перед вечным расставанием, мы просим вас оказать любезность и немного подождать.

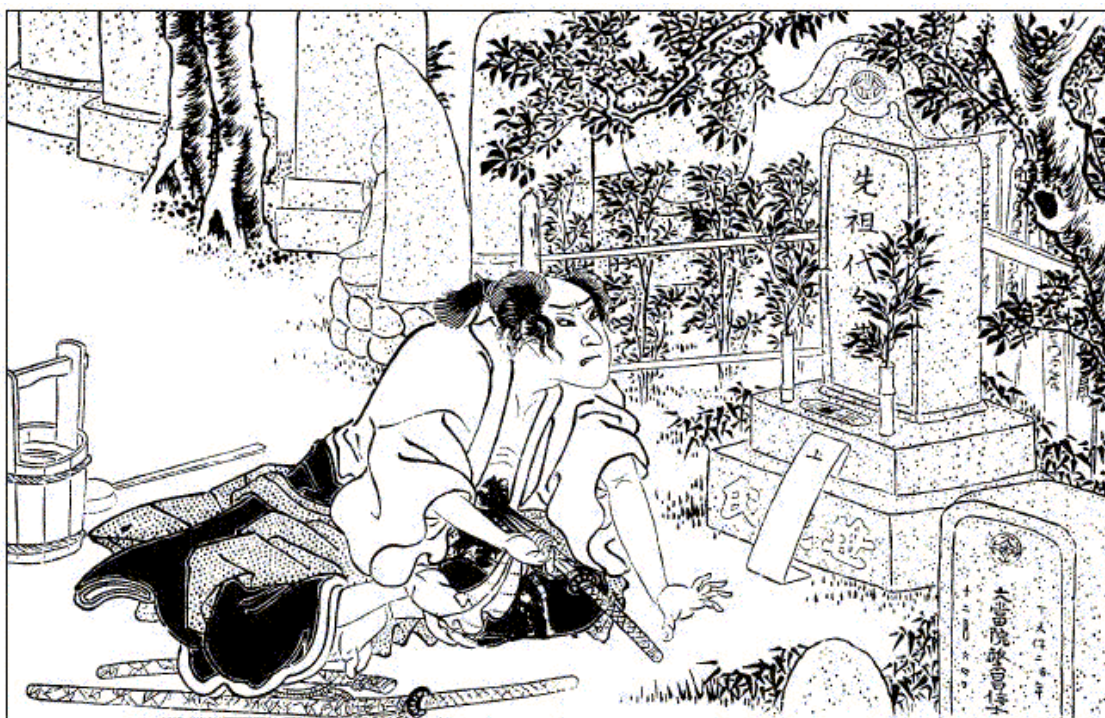
С такими словами слуги Сирогоро повели старуху в дом своего господина, а Сасаво Данъэмон остался ждать за воротами. Он ждал, пока терпение его не иссякло, и отважился поторопить людей в доме.

– Мы премного благодарны, – отвечали ему, – за то, что вы были столь любезны привести нам мать, но в настоящее время сын не может с вами пойти, поэтому вам лучше как можно скорее отправиться восвояси. Мы сожалеем, что доставили вам столько лишних хлопот.

Вот так они над ним посмеялись.

Когда Данъэмон понял, что его не только обманули, заставив отдать старуху, но и выставили на всеобщее посмешище, он разъярился и подумал было ворваться в дом и захватить Матагоро и его мать силой, но, заглянув во двор, увидел, что там полно *хатамото*, вооруженных мушкетами и обнаженными мечами.

Тогда, не имея желания пасть в безнадежной битве и одновременно полагая, что после такого обмана потерял лицо перед своим господином, Сасаво Данъэмон отправился к месту упокоения своих предков и взрезал себе живот на их могилах.

Смерть Данъэмона

Князь, услышав, как обошлись с его посланником, пришел в негодование и, собрав советников, принял решение созвать вассалов и напасть на Абэ Сирогоро. Другие великие *даймё*, когда об этом стало широко известно, вступили в дело, решив, что *хатамото* нужно покарать за их оскорбительное высокомерие. *Хатамото* же со своей стороны собрали все силы, чтобы

оказать сопротивление *даймё*. Вскоре Эдо охватили беспорядки, и смута в городе вызвала большое беспокойство правительства, которое собрало совет, чтобы решить, как восстановить мир и покой. Поскольку *хатамото* непосредственно подчинялись приказам *сёгуна*, подавить их не составляло труда, вопрос состоял в том, как обуздать великих *даймё*. Однако один из *городзю*,³⁴ по имени Мацудайра Идзу-но Ками, человек великого ума, придумал план достижения нужной цели.

В то время у *сёгуна* на службе был лекарь по имени Накараи Цусэн, который имел обыкновение частенько навещать дворец господина Кунайсёю и вот уже некоторое время лечил того от болезни, причинявшей сильные страдания. Идзу-но Ками тайно послал за этим лекарем и, призвав его в свои покои, завязал с ним ничего не значащий разговор, посередине которого вдруг понизил голос и сказал шепотом:

– Послушай, Цусэн. *Сёгун* всегда проявлял по отношению к тебе благосклонность. Сейчас правительство находится в очень стесненных обстоятельствах. Не желаешь ли ты доказать свою преданность, пожертвовав ради этого жизнью?

– О, мой господин, на протяжении нескольких поколений мои предки обрели собственность милостью *сёгуна*. Я всем сердцем желаю сегодня ночью отдать свою жизнь за моего господина, как и подобает преданному вассалу.

– Ну, тогда я обо всем тебе расскажу. Великие *даймё* и *хатамото* перессорились из-за этой истории с Матагоро, и, похоже, дело дойдет до серьезной потасовки. Страну охватят волнения, жестокие невзгоды обрушатся на крестьян и городских жителей, если мы не сумеем подавить мятеж. *Хатамото* легко приструнить, но успокоить великих *даймё* – задача не такая уж и простая. Если ты готов положить жизнь ради исполнения моей хитроумной задумки, в стране снова воцарится мир и покой. Но ты докажешь свою преданность ценой смерти.

– Я сослужу эту службу и готов пожертвовать своей жизнью.

– Вот мой план. Ты пользуешь господина Кунайсёю в его болезни. Завтра ты должен навестить его и положить отраву в его лекарство. Если нам удастся его умертвить, волнения стихнут. Вот о какой услуге я тебя и прошу.

Цусэн согласился исполнить поручение и на следующий день, когда отправился навещать Кунайсёю, взял с собой отравленные ядом пилюли. Половину он принял сам³⁵ и таким образом усыпил бдительность князя, поэтому тот проглотил оставшиеся пилюли бесстрашно. Увидев это, Цусэн поспешил прочь и по пути домой в паланкине умер от кровавой рвоты.

Господин Кунайсёю умер точно так же в сильных мучениях, и в суматохе по поводу его смерти и последующих похоронных церемоний назревающая борьба с *хатамото* была отложена.

Тем временем *городзю* Идзу-но Ками собрал трех главных *хатамото* и обратился к ним со следующими словами:

– Тайные заговоры и изменническое непокорное поведение, столь неприличествующее вашему положению *хатамото*, разгневали его величество *сёгуна* до такой степени, что он имел удовольствие приказать заточить вас в храме, а ваше имущество передать наследникам.

Итак, эти трое *хатамото* после строгих увещаний были заточены в храме Канэйдзи, а остальные, напуганные их примером, разбегались по миру. Что же касается великих *даймё*,

³⁴ В период сёгуната Токугава (1603–1867) верховным органом Бакуфу являлся городзю (совет старейшин), состоявший из пяти наиболее приближенных сёгуну *даймё* во главе с тайро (регентом), фактическим диктатором, особенно при несовершеннолетних или не способных к ведению дел сёгунах. Ниже городзю стояли вака-досиери (молодые старшины), руководившие отдельными отраслями управления (ведомствами), а также самураями, в отличие от городзю, осуществляющими надзор за *даймё* и императорским двором. В руководящий состав Бакуфу входили также чиновники, ведавшие финансами, храмами, градоправители. Особое положение занимали так называемые *мэцукэ*, осуществлявшие надзор за всеми должностными лицами, особенно за *даймё*.

³⁵ Лекарь, пользующий больного высокого ранга, был обязан всегда выпивать половину дозы лекарства, которое он прописывает, в качестве проверки его добрых намерений.

ввиду того что после смерти господина Кунайсёю все *хатамото* разбрелись кто куда, у них не осталось врага, с которым можно было бы воевать, поэтому мятеж утих, и мир был восстановлен.

Так случилось, что Матагоро потерял своего покровителя, поэтому, взяв с собой мать, он ушел и устроился под покровительство человека преклонных лет по имени Сакураи Дзиюдзаэмон. Этот почтенный человек был известным учителем искусства владения копьем, обладал не малыми средствами и пользовался почетом, поэтому он принял Матагоро, наняв в качестве охраны тридцать *роншинов*, решительных все как один и искушенных в военном искусстве. Все вместе они сбежали в отдаленное местечко Сагара.

Все это время Ватанабэ Кадзума предавался размышлениям о смерти своего отца и придумывал, как отомстить убийце, поэтому, когда господин Кунайсёю внезапно умер, он отправился к юному князю, который стал его преемником, и получил отпуск со службы, чтобы отправиться на поиски врага своего отца. В то время старшая сестра Кадзумы вышла замуж за человека по имени Араки Матаэмон, который прославился в Японии как первый в искусстве владения мечом. Поскольку Кадзуме было всего шестнадцать лет от роду, Матаэмон, принимая во внимание их близкое родство и будучи зятем убитому, вознамерился пойти с юношей в качестве его наставника и помочь ему в поисках Матагоро, а двое слуг Матаэмона по имени Исидомэ Бусукэ и Икэдзоэ Магохати приняли решение во что бы то ни стало следовать за своим хозяином. Узнав об их намерении, тот поблагодарил их, но отказался от этого предложения, сказав, что стал на путь кровной мести и теперь постоянно рискует своей жизнью. Если же кто-то из них будет ранен при несении службы, это сильно его опечалит, поэтому он должен просить их отказаться от своего намерения. Но те отвечали:

– Господин, все эти годы мы не видели от тебя ничего, кроме доброты и покровительства, а теперь, когда ты преследуешь убийцу, мы желаем следовать за тобой, а если возникнет необходимость, сложим голову, служа тебе. Более того, мы слышали, что друзей у этого Матагоро по меньшей мере тридцать шесть человек, поэтому, как бы храбро вы ни сражались, вам будет грозить опасность от превосходящих числом врагов. Однако, если ты изволишь упорствовать в отказе взять нас с собой, нам не остается ничего другого, как сразу же взрезать себе животы.

Матаэмон и Кадзума, услышав эти слова, удивились храбрости и преданности этих людей и были тронуты до слез. И Матаэмон сказал:

– Доброта этих храбрецов ни с чем не сравнима! Хорошо, я с благодарностью принимаю ваши услуги.

Тогда двое слуг, желание которых было исполнено, с радостью последовали за своим хозяином, и все четверо отправились в путь на поиски Матагоро, о месте нахождения которого они не имели ни малейшего представления.

Тем временем Матагоро со стариком Сакураи Дзиюдзаэмоном и тридцатью его *ронинами* был на пути в Осаку. Путешествовали они в большой тайне. А причиной этому было то обстоятельство, что младший брат старика, Сакураи Дзинсукэ, копейщик по профессии, однажды сражался на копьях с Матаэмоном, мужем сестры Кадзумы, и потерпел позорное поражение. Поэтому-то вся компания опасалась Матаэмона и подозревала, что, поскольку он перешел на сторону Кадзумы и выступает в качестве его наставника, они могут потерпеть поражение, даже несмотря на их численное преимущество. Поэтому они продолжали свой путь с большой осторожностью, а добравшись до Осаки, спрятались от Кадзумы и Матаэмона на постоялом дворе в квартале под названием Икутама.

Кадзума и Матаэмон также добрались до Осаки и, не жалея трудов, разыскивали Матагоро. Однажды вечером перед сумерками Матаэмон прогуливался по кварталу, где остановились враги, и увидел мужчину, одетого как слуга благородного господина, который вошел в харчевню и заказал тридцать шесть порций гречневой каши. Матаэмон хорошенько рассмот-

рел этого человека и узнал в нем слугу Сакураи Дзиюдзаэмона. Он затаился в темном месте и услышал, как тот говорит:

– Мой господин, Сакураи Дзиюдзаэмон, намерен отправиться в Сагару завтра утром, чтобы возблагодарить богов за выздоровление от болезни, которая причиняла ему много страданий, поэтому я очень тороплюсь.

С этими словами слуга заторопился прочь, а Матаэмон, войдя в харчевню, заказал порцию риса и, пока ел, порасспросил о человеке, который только что сделал такой большой заказ гречневой каши. Хозяин харчевни рассказал, что это был слуга компании из тридцати шести господ, которые остановились в таком-то постоялом дворе. Матаэмон, разузнав о том, что его интересовало, поспешил к Кадзуме. Тот возрадовался возможности осуществить свою месть следующим утром. Тем же вечером Матаэмон отправил своих верных слуг следить за постоялым двором, чтобы узнать, в котором часу Матагоро отправится в путь. Он удостоверился у слуг постоялого двора, что отряд на рассвете уйдет в Сагару с остановкой в Исэ, чтобы посетить храм Тэрсё Дайдзин.³⁶

Матаэмон сделал соответствующие приготовления и с Кадзумой и двумя слугами выступил перед рассветом. За Уэно, в провинции Ига, располагался приамковый город *даймё* Тодо Идзуми-но Ками, неподалеку находилось большое и пустынное болото. Именно в этом месте они и решили напасть на врага. Прибыв на место, Матаэмон пошел в придорожный чайный домик и написал губернатору приамкового города *даймё* прошение разрешить совершить кровную месть в окрестностях этого города, потом, обращаясь к Кадзуме, сказал:

– Когда мы столкнемся с силами Матагоро и начнем сражаться, ты вступишь в бой и отомстишь убийце своего отца. Нападай только на него и на него одного, а я позабочусь о *ронинах*. – Затем он обратился к своим слугам:

– Что же касается вас, держитесь поближе к Кадзуме, и, если *ронины* попытаются спасти Матагоро, ваша задача – воспрепятствовать им и прийти на помощь Кадзуме.

Затем, определив задачу каждого и обсудив ее в мелких подробностях, они стали поджидать приближение врага. Пока они отдыхали в чайном домике, прибыл губернатор приамкового города и, спросив Матаэмона, сказал:

– Я имею честь быть губернатором города при замке, владельцем которого является Тодо Идзуми-но Ками. Мой господин, узнав о вашем намерении убить вашего врага в окрестностях его цитадели, дает свое согласие. И в доказательство его восхищения вашей сыновней верностью и доблестью посылает вам отряд пехотинцев в сто человек, чтобы охранять место сражения. Поэтому, если хоть один из тридцати шести *ронинов* попробует сбежать, можете не беспокоиться – побег будет невозможен.

Когда Матаэмон и Кадзума выразили благодарность за милосердную доброту его сиятельства, губернатор откланялся и вернулся домой. Наконец вдали показалась вражеская процессия. Первыми были Сакураи Дзиюдзаэмон и его младший брат Дзинсукэ, за ними следовали Каваи Матагоро и Такэноути Гэнтан. Эти четверо, самые храбрые и выдающиеся из отряда *ронинов*, ехали верхом на выючных лошадях, а остальные шли пешком, сбившись группой.

Как только они приблизились, Кадзума, сжигаемый нетерпением отомстить за своего отца, смело вышел вперед и громко прокричал:

– Здесь стою я, Кадзума, сын Юкиэ, которого ты, Матагоро, вероломно убил. Я намерен отомстить за смерть отца. Выходи и сразись со мной. И посмотрим, кто из нас двоих победит!

И прежде чем *ронины* пришли в себя от изумления, Матаэмон сказал:

– Я, Аракэ Матаэмон, зять Юкиэ, пришел помочь Кадзуме в деле его мести. Вы должны сразиться с нами ни за жизнь, а за смерть.

³⁶ Богиня Солнца и прародительница микадо.

Тридцать шесть *ронинов*, услышав имя Матаэмона, испугались, но Сакураи Дзиюдзаэмон велел им не терять бдительности и прыгнул с лошади. Матаэмон же, бросившись вперед с обнаженным мечом, разрубил Сакураи Дзиюдзаэмона от плеча до соска на груди, и тот упал замертво. Сакураи Дзинсукэ, увидев, что его брата убили у него на глазах, разъярился и выпустил стрелу в Матаэмона, но тот проворно на лету разрубил стрелу на две половинки. А Дзинсукэ, удивленный проявлением такой ловкости, отбросил свой лук и ринулся на Матаэмона, который с большим мечом в правой руке и малым в левой отчаянно сражался. Остальные *ронины* попытались отбить Дзинсукэ, и в ходе борьбы Кадзуму, который схватился с Матагоро, оттеснили от Матаэмона. Его слуги Бусукэ и Магохати, помня приказы хозяина, убили пять *ронинов*, которые атаковали Кадзуму, но сами были тяжело ранены. К тому времени Матаэмон, убивший семерых *ронинов*, дрался тем храбрее, чем сильнее его теснили, и вскоре зарубил еще троих, остальные же не осмеливались к нему приближаться. В этот момент подоспел некий Кано Тодзаэмон, вассал владельца замка призамкового города и старинный приятель Матаэмона, который, прослышав, что Матаэмон в тот день собирается отомстить за своего тестя, схватил свое копьё и пустился в путь, чтобы из дружеского расположения помочь ему или выполнить обязанности секунданта, сказал:

– Матаэмон, я пришел, чтобы предложить вам помощь.

При этих словах Матаэмон обрадовался и стал сражаться с удвоенной силой. Тогда один из *ронинов* по имени Такэноути Гэнтан, очень храбрый человек, оставив своих товарищей бороться с Матаэмоном, бросился на выручку Матагоро, на которого наступал разгоряченный Кадзума. В попытке помешать ему пал Бусукэ, покрытый ранами. Его товарищ Магохати, увидев, что Бусукэ повержен, пришел в сильное беспокойство, ведь если с Кадзумой случится беда, что он скажет Матаэмону в свое оправдание? Поэтому, несмотря на полученные раны, он тоже вступил в бой с Такэноути Гэнтаном, и вскоре, искалеченный полученными ударами, оказался в смертельной опасности. Тут человек, подоспевший на помощь Матаэмону из призамкового города, закричал:

– Смотри, Матаэмон, твой товарищ, который сражается в Гэнтаном, в большой опасности. Иди ему на выручку и помоги Кадзуме. О других же позабочусь я!

– Большое спасибо. Поспешу к Кадзуме.

Итак, Матаэмон отправился на помощь Кадзуме, пока его друг и пехотинцы, посланные владельцем замка, сдерживали уцелевших *ронинов*, которые уже растратили силы в схватке с Матаэмоном и были не способны оказывать дальнейшее сопротивление. Тем временем Кадзума все еще сражался с Матагоро, и исход борьбы был сомнителен. Такэноути Гэнтана, пытавшегося спасти Матагоро, сдерживал Магохати, ослепленный кровью, ручьем лившейся из раны на лбу. Магохати думал уже, что ему пришел конец, когда подоспел Матаэмон и закричал:

– Приободришься, Магохати! Это я, Матаэмон, пришел тебе на выручку. Ты тяжело ранен, уйди с поля боя и дай себе отдых.

Магохати, который до сих пор держался только мыслью о сохранении жизни Кадзумы, рухнул без сознания от потери крови, а Матаэмон одержал верх над Гэнтаном и убил его. Но и тогда, хотя был дважды ранен, Матаэмон не обессилел, а оказался рядом с Кадзумой и сказал ему:

– Мужайся, Кадзума! Все *ронины* убиты, остался один Матагоро, убийца твоего отца. Бейся с ним и победи!

Ободренный этими словами, юноша удвоил силы, а Матагоро потерял мужество, дрогнул, стал отступать и пал. Так осуществилась месть Кадзумы, и его заветное желание исполнилось.

Два преданных вассала, которые отдали свои жизни за господина, были похоронены с пышными церемониями, а Кадзума отнес голову Матагоро и, как любящий сын, возложил ее на могилу своего отца.

Так заканчивается повесть о мести Кадзумы.

Боюсь, что истории, где убийства и кровопролитие составляет характерную черту, едва ли могут вызывать большую симпатию в наши мирные дни. И все-таки повествования, основанные на исторических фактах, представляют интерес для изучающих общественные явления. Повесть о мести Кадзумы связана с событиями, которые в настоящее время особенно важны. Я имею в виду феодальные распри между великими *даймё* и *хатамото*. Те, кто следят за современной историей Японии, поймут, что недавняя борьба, которая закончилась крушением власти *тайкуна* и отменой его института власти, была вспышкой скрытого огня, который тлел столетиями. Но репрессивные силы постепенно ослабевают, а контакт с европейскими силами принес еще более гнусный феодализм, который люди считали устаревшими. Революция, закончившаяся торжеством *даймё* над *тайкуном*, также является и торжеством вассалов над феодальными господами, и предвестницей оживления политической жизни для народа в целом. Во времена Иэясу это бремя было ненавидимым, но его нужно было нести, и так продолжалось бы до сего дня, если бы обстоятельства извне не разорвали порочного круга. Японские *даймё*, защищая изоляцию своей страны, являются приверженцами того самого ярма, которое они ненавидели. Странно сказать, однако до сих пор есть люди, которые, хотя и принимают новое политическое кредо, все равно восхваляют прошлое и с сожалением оглядываются на те дни, когда Япония пребывала в изоляции, не являясь частью или долей великой семьи наций.

* * *

Примечание. *Хатамото* — буквально означает «под флагом». *Хатамото* — это люди, которые, как подразумевает их название, спланированы вокруг штандартов *сёгуна* или *тайкуна* в военное время. Их насчитывалось восемьдесят тысяч. Когда Иэясу оставил провинцию Микава и стал *сёгуном*, вассалов, которым он даровал дворянство и которые получили от него земельные наделы, дающие годовой доход от десяти тысяч *коку* риса в год и до одной сотни *коку*, стали называть *хатамото*. В обмен на эти земельные наделы *хатамото* должны были в военное время поставлять контингент солдат пропорционально своему годовому доходу. За каждую тысячу *коку* риса нужно было предоставить пять человек. Те *хатамото*, чей годовой доход доходил до одной тысячи *коку*, должны были взамен людей платить определенную денежную сумму. В мирное время большинство должностей младших чиновников правительства *тайкуна* занимали *хатамото*, более важные чины — *фудай* или *даймё*, подчинявшиеся самому *сёгуну*. Семь лет назад, в подражание иноземным обычаям, была введена постоянная армия, и тогда *хатамото* должны были вносить свою долю людьми или деньгами, в зависимости от того, находилась страна в состоянии войны или нет. Когда в 1868 году *сёгуна* свергли и унизили до положения простого *даймё*, его годовой доход восемь миллионов *коку* вернули правительству, за исключением семисот тысяч *коку*. Теперь сословия *хатамото* больше не существует, и те, кто всего несколько лун назад входил в их число, по большей части разорены либо рассредоточились по стране. Будучи, возможно, самым гордым, наделенным самой большой властью и преобладающим сословием в Японии, они были ввергнуты в крайнюю нужду. Некоторые пошли в купцы, товаром для торговли которых стали их фамильные ценности, другие странствуют по стране в качестве *ронинов*, в то время как немногочисленному меньшинству было дозволено разделить участь семей их господ, теперешний глава которых известен как принц Токугава. Таким образом, все восемьдесят тысяч и рассредоточились по стране.

Цена одного *коку* риса, в которых исчисляется весь годовой доход, непостоянна. Самая низкая цена одного *коку* — чуть больше одного фунта стерлингов, а иногда бывает почти в три раза больше. Жалованье чиновникам выплачивалось рисом, следовательно, в стране существовало большое и влиятельное сословие, заинтересованное в том, чтобы цена на основной потребляемый пищевой продукт оставалась высокой.

Отсюда и оппозиция, с которой встречали свободную торговлю рисом, даже в голодные времена. Отсюда и часто возникающие так называемые «рисовые бунты».

Стоимость земельных наделов, которыми прежде владели великие *даймё*, а теперь патриотично переданные *микадо*, просто баснословна. Один только князь провинции Кага имел доход один миллион двести тысяч *коку*. Однако эти великие собственники находились, по крайней мере недавно, в стесненном положении. Им нужно было кормить многие тысячи ртов, с них взимались многочисленные налоги и пошлины, в то время как мания покупать иноземные корабли и военное снаряжение, зачастую по непомерным ценам, привела их к огромным долгам.

ИСТОРИЯ ЭДОСКОГО ОТОКОДАТЭ, дополнение к повести о любви Гонпати и Комурасаки

Слово *отокодатэ* встречается в этой книге несколько раз, а поскольку не могу передать полное значение этого слова простым переводом, я должен сохранить его в тексте, объяснив нижеследующим примечанием, почерпнутым у японца, придерживающегося национальной школы.

Отокодатэ – это дружеские сообщества храбрых мужчин, связанных обязательством стоять друг за друга в счастье и в горе, вне зависимости от обстоятельств личной жизни, и не спрашивая о прошлом других. Скверный человек, однако, вступив в *отокодатэ*, должен был отказаться от своих дурных привычек и поступков, так как принципами *отокодатэ* были – обращаться с угнетателем как с врагом и помогать слабому, как отец помогает своему ребенку. Их благотворительность снискала им уважение окружающих. Главу этого сообщества назывался Отцом. Если членам *отокодатэ* негде было жить, то они жили вместе с Отцом и служили ему, одновременно внося небольшую плату, если же кто-то из учеников заболел или попадал в беду, Отец заботился о них и помогал им.

Отец *отокодатэ* занимался набором крестьян для процессий *даймё* и влиятельных особ во время их путешествий в Эдо и обратно и в обмен на это получал от них рисовые пайки. Он имел на низшие классы влияния больше, даже чем чиновники, и, если крестьяне учиняли бунт или отказывались сопровождать процессию *даймё* в его путешествии, одного лишь слова Отца хватало, чтобы собрать столько людей, сколько требовалось. Когда правитель Токугава Иэмоти, последний *сёгун*, оставил Эдо и отправился в Киото, некий Симмо Тацугоро, глава *отокодатэ*, взял на себя подготовку его путешествия, а ведь всего лишь три-четыре года назад он был возведен в достоинство *хатамото* за многочисленные услуги, говорящие о его верности. После битвы при Фусими и отмены *сёгуната* он сопровождал последнего *сёгуна* в ссылку.

В старые времена, после гражданских войн в эпоху правления Иэясу, *отокодатэ* также были среди *хатамото*. Хотя в стране и царил мир, людские умы все еще были в состоянии крайнего возбуждения и не могли смириться с застоем мирной жизни, поэтому стычки и драки группировок постоянно имели место среди молодых людей самурайского сословия, и тех, кто отличался силой и удачью, считали командирами. В разных кварталах города возникали всевозможные союзы, похожие на те, что существовали в среде немецких студентов. Когда же в стране установился прочный мир, обычай образования подобных союзов в среде порядочных людей прекратил свое существование.

Теперь, говоря об *отокодатэ* низших сословий, мы употребляем прошедшее время, ведь, хотя они и существуют номинально, больше не имеют той власти и важности, какой обладали во времена, когда разворачиваются события, о которых мы рассказываем. Тогда они, подобно лондонским подмастерьям старых времен, играли значительную роль в обществе больших городов, и счастлив был всякий, будь то самурай или простой *тёнин*, кто мог назвать своим другом Отца *отокодатэ*.

Само же слово *отокодатэ* означает «мужественный или отважный человек».

* * *

Тёбэй из Бэндзуина был главой эдоского *отокодатэ*. Изначально ему дали имя Итаро, он был сыном *ронина*, проживавшего в сельской местности. Однажды, когда ему было всего десять лет от роду, он отправился с товарищем по играм купаться на реку. Мальчики во время игры поссорились, и Итаро, схватив своего противника, бросил его в воду, а тот утонул.

Тогда Итаро пришел домой и сказал своему отцу:

– Сегодня я ходил играть на реку с товарищем, но он был груб со мной, я бросил его в воду, и он утонул.

Отец, услышав его рассказ, оказался словно громом поражен, и сказал:

– Это поистине ужасно! Хотя ты и ребенок, но должен отвечать за свои поступки. Поэтому сегодня вечером ты должен тайно бежать в Эдо и поступить на службу к какому-нибудь благородному самураю. Возможно, со временем ты и сам станешь воином.

С этими словами он дал сыну двадцать унций серебра и прекрасный меч, выкованный знаменитым мечником Кунитоси из школы Рай, и отправил его из провинции как можно скорее. На следующее утро пришли родители погибшего ребенка с требованием выдать им Итаро, чтобы совершить акт возмездия, но было слишком поздно, и им не оставалось ничего иного, как похоронить своего ребенка и скорбеть о его потере.

Итаро в большой спешке проделал путь до Эдо и нашел там себе работу мальчиком на посылках в магазине, но вскоре, устав от такой жизни и горя желанием стать воином, поступил на службу к некоему *хатамото* по имени Сакураи Сёдзаэмон и сменил свое имя на Цунэхэй. А у Сакураи Сёдзаэмона был сын по имени Сёносукэ, юноша на семнадцатом году жизни, которому так понравился Цунэхэй, что он брал его с собой, куда бы ни шел, и обращался с ним на равных.

Сёносукэ ходил в школу боевых искусств учиться владеть мечом, и Цунэхэй обычно его сопровождал. Сильный и активный по природе, вскоре он стал неплохо владеть мечом.

Однажды, когда Сёдзаэмона не было дома, его сын Сёносукэ сказал Цунэхэй:

– Ты знаешь, как мой отец увлекается игрой в кемари – ножной мяч, должно быть, это замечательная игра.

А так как его сегодня нет дома, что, если мы с тобой сыграем?

– Это редкий вид спорта, – отвечал Цунэхэй. – Давай поторопимся и поиграем, пока хозяин не вернулся домой.

Двое юношей пошли в сад и стали учиться пинать ножной мяч, но, не обладая умением, хоть и старались изо всех сил, никак не смогли приподнять его от земли. В конце концов Сёносукэ мощным пинком послал мяч, и тот, перемахнув через стену, упал в соседний сад, принадлежавший некоему Хикосаке Дзэнпати, учителю фехтования копьем, известному сердитым и вспыльчивым нравом.

– О господи! Что нам делать?! – воскликнул Сёносукэ. – Мы лишили отца его ножного мяча. А если мы пойдем просить нашего несговорчивого соседа отдать нам мяч, нас лишь побранят и обругают, несмотря на все просьбы.

– Да ладно! – отвечал Цунэхэй. – Я пойду извинюсь за нашу неосторожность и получу ножной мяч назад.

– Но ведь тогда тебя отругают, а я этого не хочу.

– Ничего страшного. Меня мало заботят его сердитые слова.

И Цунэхэй отправился в соседний дом, чтобы попросить вернуть мяч.

Случилось так, что Дзэнпати, тот самый сердитый сосед, прогуливался в своем саду, пока юноши играли в *ке-мари*, и, когда он восхищался красотой своих любимых хризантем, мяч перелетел стену и угодил ему прямо в лицо. От этого Дзэнпати, не привычный ни к чему иному, кроме лести и низкопоклонничества, впал в сильную ярость, и, пока он раздумывал, как отомстит любому, кого пошлют за потерянным мячом, пришел Цунэхэй и сказал одному из слуг Дзэнпати:

– Прошу простить меня, но я вынужден признаться, что в отсутствие своего хозяина взял его ножной мяч и, попробовав поиграть с ним, неловко перебросил через вашу стену. Прошу вас простить мне мою неосторожность. Будьте добры, верните мне мяч.

Слуга вошел в дом и повторил все сказанное Дзэнпати, который довел себя до состояния крайней ярости. Он велел привести к нему Цунэхэя и сказал:

– Ну, парень, это тебя зовут Цунэхэй?

– Да, господин, к вашим услугам. Я нижайше прошу у вас прощения за свою неосторожность, но, пожалуйста, велите вернуть мне мяч.

– А я-то думал, что в этом виноват твой хозяин, Сёдзаэмон. Но видимо, это ты ударил по мячу.

– Да, господин. Поверьте, мне очень жаль, и простите за все, что я сделал. Пожалуйста, прикажите вернуть мне мяч, – попросил Цунэхэй, почтительно кланяясь.

Некоторое время Дзэнпати молчал, но наконец произнес следующее:

– Знаешь ли ты, негодяй, что твой грязный мяч попал мне прямо в лицо? Я вправе убить тебя за это на месте, но пощажу тебе жизнь. Поэтому бери мяч и проваливай!

Сказав это, он подошел к Цунэхэю, поколотил его и плюнул в лицо.

Тогда Цунэхэй, который до этого момента вел себя смиренно, горя желанием получить мяч, вскочил в гнев и сказал:

– Я принес достаточно извинений за свою неосторожность, а теперь ты оскорбил меня и побил, невоспитанный негодяй! Возьми этот мяч себе – мне он больше не нужен!

И, вынув свой кинжал, он разрезал мяч надвое, бросил его в Дзэнпати и пошел домой.

Дзэнпати, разозлившись еще больше, позвал одного из своих слуг и сказал ему:

– Этот парень Цунэхэй был слишком дерзок. Иди в соседний дом, найди Сёдзаэмона и передай ему, что я приказал тебе привести с собой Цунэхэя, чтобы я мог его убить.

Слуга отправился передавать его слова. Тем временем Цунэхэй вернулся в дом своего хозяина, и Сёносукэ, увидев его, спросил:

– Вне всяких сомнений, с тобой обошлись плохо, но получил ли ты мяч назад?

– Придя к соседу, я рассыпался в извинениях, но меня поколотили и обошлись с величайшим пренебрежением. Я сразу же убил бы этого негодяя Дзэнпати, но знаю, что если бы сделал это, находясь у вас на службе, то навлек бы неприятности на вашу семью. Ради вас я терпеливо вынес такое дурное обращение, но сейчас прошу отпустить меня, чтобы я стал *ронин*ом и мог отомстить этому человеку.

– Хорошенько подумай о том, что ты делаешь, – отвечал Сёносукэ. – В конце концов, мы потеряли всего лишь мяч. Для моего отца это пустяк, он не станет нас бранить.

Но Цунэхэй не хотел его слушать и твердо вознамерился смыть позор за нанесенную обиду. Пока они разговаривали, пришел посыльный от Дзэнпати и потребовал выдать ему Цунэхэя на том основании, что тот оскорбил его хозяина. Сёносукэ сказал, что его отца нет дома, а в его отсутствие он не может этого сделать.

Наконец Сёдзаэмон вернулся домой и, когда услышал о том, что произошло, очень опечалился, был в растерянности, не зная, как поступить. Тут от Дзэнпати пришел второй посыльный с требованием незамедлительно выдать ему Цунэхэя. Тогда Сёдзаэмон, поняв, что дело принимает серьезный оборот, позвал к себе юношу и сказал:

– Дзэнпати бессердечен и жесток, и, если ты пойдешь к нему, он наверняка тебя убьет, поэтому возьми вот эти пятьдесят *рё* и беги в Осаку или Киото, где сможешь благополучно осесть и начать свое дело.

– Господин, – отвечал Цунэхэй со слезами благодарности, – от всего сердца признателен вам за вашу доброту, но меня оскорбили и втоптали в грязь, и, если даже поплачусь жизнью, пытаюсь отомстить за себя, я все равно отомщу Дзэнпати за то, что он сделал.

– Хорошо, тогда, раз ты жаждешь мести, иди и сражайся. И да пребудет с тобой удача! И все же многое зависит от лезвия меча, который ты носишь, а я опасаясь, что твое оружие, вероятнее всего, жалкое, поэтому я дам тебе меч. – И с этими словами он протянул Цунэхэю свой собственный меч.

– Нет, мой господин, – отказался Цунэхэй. – У меня знаменитый меч, выкованный Кунитоси, который дал мне отец. Я никогда не показывал его вам, он хранится в моей комнате.

Когда Сёдзаэмон увидел меч, он пришел в восторг и сказал:

– Это действительно прекрасное лезвие, на такое можно положиться. Тогда бери его и веди себя в сражении благородно. Только помни: Дзэнпати очень умело владеет копьем, будь с ним очень осторожен.

Цунэхэй, поблагодарив своего хозяина за его многочисленные благодеяния, нежно распрощался, отправился к дому Дзэнпати и сказал слуге:

– Кажется, твой господин желает со мной переговорить. Будь добр, проводи меня к нему.

Слуга повел его в сад, где с копьем в руке поджидал Дзэнпати. Увидев своего врага, тот воскликнул:

– Ха! Значит, ты вернулся. Вот теперь за твою дерзость я убью тебя собственной рукой.

– Ты сам дерзок! – отвечал Цунэхэй. – Зверь, а не самурай! Давай посмотрим, кто из нас храбрее!

Пришедший в ярость Дзэнпати сделал выпад копьем в Цунэхэя, но тот, доверившись своему мечу, атаковал Дзэнпати, который, хоть и был умелым воином, не мог добиться преимущества. В конце концов Дзэнпати, потеряв самообладание, стал сражаться менее осторожно. Цунэхэй воспользовался случаем и перерубил древко его копья. Тут Дзэнпати обнажил меч, и ему на помощь пришли двое его слуг, но Цунэхэй убил одного из них и ранил Дзэнпати в лоб. Второй слуга сбежал с поля боя, испугавшись доблести юноши, а Дзэнпати был ослеплен кровью, которая ручьем текла из его раны на лбу. Тогда Цунэхэй сказал:

– Убить того, кто ничего не видит перед собой, не достойно воина. Вытри кровь с глаз, господин Дзэнпати и давай драться честно.

Дзэнпати, отерев кровь со лба, повязал носовой платок вокруг головы и снова ринулся в бой. Но в конце концов боль от раны и потеря крови отняли у него силы. Цунэхэй сначала нанес ему мечом рану в плечо, а затем лишил жизни.

Потом Цунэхэй пошел и сообщил обо всем губернатору Эдо и был взят под стражу, пока велось расследование. Но настоятель Бэндзуина, который слышал об этом происшествии, пошел и рассказал губернатору обо всех неблагоприятных поступках Дзэнпати, и, испросив прощение Цунэхэю, привел его к себе и дал работу проводника по храму. Цунэхэй сменил свое имя на Тёбэй и заслужил большое уважение во всей округе как за свои таланты, так и за многочисленные добрые поступки. Если кто-то попадал в беду, он тут же помогал, несмотря ни на собственную выгоду, ни на опасность, пока люди не стали смотреть на него как на отца, и многие юноши присоединились к нему и стали его учениками. Поэтому он выстроил дом в Ханакавадо и жил там со своими учениками, из которых растил копьеносцев и пеших воинов для *даймё* и *хатамото*, беря для себя десятую часть их заработка. Но если кто-нибудь из них заболел или попадал в беду, Тёбэй выхаживал и поддерживал его, платил за врачей и лекарства. И слава о его доброте распространилась повсюду, пока число его учеников, которые состояли на службе в каждой части города, не превысило двухсот. Что же касается Тёбэя, то чем больше он преуспевал, тем больше отдавал на благотворительность, и люди восхищались его добрым и щедрым сердцем.

Это было время, когда *хатамото* собирались в отряды *отокодате*,³⁷ которыми руководили Мидзуно Дзюродзаэмон, Кондо Нобори-но Сукэ и Абэ Сирогоро. И союзы господ благородной крови презирали союзы *тёнинов*, презрительно обращались с ними, пытались опозорить Тёбэя и его храбрецов, но оружие господ обратилось против них самих, и, как они ни пытались навлечь презрение на Тёбэя, лишь сами подвергались насмешкам. Поэтому с обеих сторон ненависть была велика.

³⁷ См. повесть о мести Кадзумы.

Однажды Тёбэй пошел поразвлечься в чайном доме в квартале Ёсивара и увидел, что в верхней комнате, которая была украшена, словно по особому случаю, расстелено войлочное покрытие, и спросил хозяина дома, какого важного гостя он ожидает. Хозяин отвечал, что в полдень сюда пожалует господин Дзюродзаэмон, глава *отокодатэ хатамото*. Услышав это, Тёбэй сказал, что страстно желает встретиться с господином Дзюродзаэмоном, поэтому ляжет здесь и подождет его прихода. Хозяин был смущен и не знал, что сказать, но все-таки не осмелился перечить Тёбэю, влиятельному главе *отокодатэ*.

Тёбэй снял с себя одежду и улегся на войлочное покрытие. Через некоторое время пришел господин Дзюродзаэмон и, поднявшись наверх, обнаружил обнаженного мужчину крупного телосложения, лежащего на покрытии, постеленном специально для него.

– Что здесь делает этот подлый негодяй? – гневно спросил он у хозяина чайного дома.

– Господин, это Тёбэй, глава *отокодатэ*, – отвечал тот, трепеща от страха.

Дзюродзаэмон тотчас заподозрил, что Тёбэй своим поступком хочет нанести ему оскорбление, поэтому уселся рядом со спящим и закурил трубку. Выкурив ее, он высыпал горячий пепел в пупок Тёбэя, но Тёбэй, терпеливо снося боль, притворялся спящим. Десять раз Дзюродзаэмон набивал свою трубку табаком и десять раз вытряхивал обжигающий пепел в пупок Тёбэя, но тот не пошевелился и не издал ни звука. Тогда Дзюродзаэмон, изумленный силой его духа, потряс Тёбэя за плечо и разбудил, приговаривая:

– Тёбэй! Тёбэй! Проснись же!

– Что случилось? – спросил Тёбэй, протирая глаза, словно просыпаясь от глубокого сна, и, увидев Дзюродзаэмона, сделал вид, что испуган, и сказал: – О господи! Я знаю, кто вы такой. Но я был очень груб с вашим сиятельством. Я выпил слишком много и заснул, прошу вас простить меня.

– Твое имя Тёбэй?

– Да, господин, к вашим услугам. Я бедный *тёнин* и не знаю хороших манер. Я был груб, но прошу у вас извинения за свое дурное воспитание.

– Нет-нет, мы все наслышаны о репутации Тёбэя из Бэндзуина, и мне просто посчастливилось встретиться здесь с тобой сегодня. Давай будем друзьями.

– Для скромного *тёнина* великая честь встретиться с титулованной особой лицом к лицу.

Пока они разговаривали, прислужница принесла рыбу и вино, и Дзюродзаэмон уговорил Тёбэя разделить с ним трапезу и, думая вызвать у Тёбэя раздражение, предложил ему большую чарку с вином,³⁸ которую, однако, тот выпил не поморщившись, а потом вернул своему сотрапезнику, который был не способен переносить даже винный запах. Тогда Дзюродзаэмон замыслил другое средство, чтобы досадить Тёбэю, и, надеясь напугать его, сказал:

– Вот, Тёбэй, позволь мне предложить тебе рыбу. —

И с этими словами он обнажил свой меч и подцепив кон чиком меча пирожок с рыбной начинкой, пододвинул его ко рту *тёнина*.

Любой человек побоялся бы принять угощение, поданное столь грубо, но Тёбэй просто-напросто открыл рот и, сняв пирожок с острия меча, съел его не моргнув глазом. Пока Дзюродзаэмон изумлялся в душе, что этого человека нельзя ни испугать, ни смутить, Тёбэй сказал ему:

– Эта встреча с вашим сиятельством была для меня счастливой случайностью, и я осмелюсь просить вас принять от меня какой-нибудь скромный дар в память этого.³⁹ Нет ли чего, что вашему сиятельству особенно нравится?

³⁸ Считается крайней невежливостью предлагать большую чарку с вином. Однако, поскольку та же самая чарка возвращается к тому, кто ее предлагает, то есть невежа попадает в ту же яму, что вырыл для другого. На японской пирушке одна и та же чарка передается из рук в руки, каждый споласкивает ее в чаше с водой после того, как он из нее выпил, и до того, как предложить ее другому человеку.

³⁹ Вручение подарков от нижестоящего вышестоящему – общераспространенный обычай.

– Мне очень нравится холодная лапша.

– Тогда я буду иметь честь заказать немного лапши для вашего сиятельства.

С этими словами Тёбэй спустился вниз и, подзвав одного из своих учеников по имени Токэн Гомбэй,⁴⁰ который дожидался его, дал ему сотню *рё* и велел собрать всю холодную лапшу, какую только можно найти в соседних харчевнях, и сложить ее горой перед чайным домом. Итак, Гомбэй отправился домой и, собрав учеников Тёбэя, разослал их во всех направлениях скупать лапшу. Дзюродзаэмон же все это время думал о том удовольствии, какое он получит, посмеясь над Тёбэем, когда тот преподнесет ему такой жалкий и ничтожный подарок. Но когда вокруг чайного дома постепенно стали появляться целые горы лапши, он понял, что не сможет поставить Тёбэя в глупое положение, и, расстроенный, отправился домой.

Уже говорилось, как Тёбэй подружился и помог Сираи Гонпати.⁴¹ Мы еще встретимся с ним в этой повести.

В это время в провинции Ямато жил-был некий *даймё* по имени Хонда Дайнайки, который в один прекрасный день, когда находился в окружении нескольких своих вассалов, показал им меч и велел им посмотреть на него и сказать, какой мечник изготовил лезвие этого меча.

– Думаю, это наверняка меч работы Масамунэ, – сказал некий Фува Бэндзаэмон.

– Нет, – сказал Нагойя Сандза, внимательно осмотрев оружие, – это наверняка работа Мурамасы.⁴²

Третий самурай по имени Такаги Уманодзё заявил, что это работа Сидзу Какэндзи. А так как они не могли договориться, ибо каждый придерживался собственного мнения, их хозяин послал за знаменитым знатоком оружия, чтобы разрешить этот вопрос. И оказалось, что меч действительно был подлинным Мурамасой, как и говорил Сандза. Тот остался доволен таким заключением, но двое других отправились восвояси в довольно удрученном виде. Уманодзё, хотя и проиграл в споре, не питал ни злого умысла, ни враждебности в душе, Бэндзаэмон же, который был тщеславен, раздуваемый сознанием собственной значимости, затаил злобу на Сандзу и стал поджидать случая опозорить его. И вот однажды Бэндзаэмон, жаждущий отомстить Сандзе, отправился к князю и сказал:

– Вашему сиятельству следует увидеть, как Сандза владеет оружием, его умение обращаться с мечом выше всякой похвалы. Я знаю, мне с ним не сравниться, но все-таки, если вашему сиятельству будет угодно, я попробую вступить с ним в схватку.

И князь, который был еще подростком, решив позабавить себя редким зрелищем, тотчас же послал за Сандзой и выказал желание, чтобы тот сразился с Бэндзаэмоном в учебном бою. Вооруженные деревянными мечами, они вдвоем вышли в сад и встали лицом друг к другу.

Тогда Бэндзаэмон гордился своим умением и думал, что ему нет равных во владении мечом, поэтому ожидал одержать легкую победу над Сандзой и тем самым полностью компенсировать то унижение, которое испытал в споре о мече. Однако он недооценил умение Сан-

⁴⁰ Токэн – это прозвище, данное Гомбэю после того, как он убил свирепого пса. Так как он был тёнином, или главой административно го района, то у него не было фамилии.

⁴¹ См. повесть о Гонпати и Комурасаки.

⁴² Мечи Мурамасы, хотя были такой хорошей закалки, что, по словам очевидцев, разрезали твердое железо, словно дыню, имели репутацию приносящих несчастья. Мечи некоего Тосиро Ёсимицу, как считалось, наоборот, особенно благоприятствовали семейству Токугава по следующей причине. После предательства Такэды Кацуёри в битве при реке Тэнрин Иэясу скрылся в доме сельского лекаря, намереваясь положить конец своей жизни, совершив *харакири*. Обнажив свой малый меч работы Ёсимицу, он попытался вонзить его себе в живот, однако, к его удивлению, лезвие меча согнулось. Подумав, что его малый меч оказался плохой работы, он взял железную ступку, предназначенную для того, чтобы перетирать лекарства, попробовал меч на ней, и острое лезвие вошло в железную ступку, как в масло. Иэясу собрался было вонзить меч в себя во второй раз, но тут сторонники, которые потеряли Иэясу из виду и искали повсюду, нашли его и, видя, что их господин собрался покончить жизнь самоубийством, остановили его руку и отняли меч силой. Потом они усадили его на коня и уговорили бежать в принадлежащую ему провинцию Микава, пока они будут сдерживать его преследователей. После этого, когда с благословения небес Иэясу стал сёгуном, сочли, что в лезвии его малого меча, которое отказалось пить его кровь, определенно был добрый дух, и с той поры мечи работы Ёсимицу стали считаться счастливыми для его рода.

дзы, который, увидев, что противник жестоко атакует его, всерьез, быстрым ударом так резко задел Бэндзаэмона по кисти руки, что тот выронил меч, и, не дав ему поднять оружие, нанес следующий удар в плечо, отчего тот упал и стал кататься в пыли. В присутствии всех офицеров Сандзу похвалили за умение владеть мечом, а Бэндзаэмон, испытывая муки стыда, убежал домой и спрятался.

После этого случая Сандза поднялся высоко в глазах своего господина, а Бэндзаэмон, который теперь завидовал ему еще больше, сказался больным и сидел дома, изобретая планы погубить Сандзу.

И вот случилось так, что князь, желая оправить меч Мурамасы, послал за Сандзой и вверил меч его заботам, приказав нанять для работы самых умелых мастеров в изготовлении ножен и узоров на рукоятках. А Сандза, получив меч, принес его домой и старательно спрятал. Бэндзаэмон, прослышав об этом, возрадовался, так как увидел возможность отомстить Сандзе. Он твердо решил, если подвернется случай, убить Сандзу, но в любом случае украсть меч, который князь вверил его заботам, прекрасно зная, что, если у Сандзы не окажется меча, ему и его семье грозит гибель. Будучи одиноким человеком и не имея ни жены, ни детей, Бэндзаэмон продал свою мебель и, превратив подходящую собственность в деньги, приготовился бежать из провинции. Когда его приготовления были закончены, он в полночь отправился к дому Сандзы, чтобы попробовать тайком проникнуть туда, но все двери и ставни были осмотрительно заперты изнутри, не было ни одной подходящей щели, которая помогла бы проникнуть в жилище. Кругом было тихо, люди в доме наверняка спали крепким сном, поэтому он вскарабкался на второй этаж, ухитрился отпереть окно и проник в дом. Крадучись, словно кошка, он пробрался по лестнице и, заглянув в одну из комнат, увидел Сандзу и его жену, которые спали на татами со своим сыном Косандзой, тринадцатилетним мальчиком, который, завернувшись в одеяло, спал между ними. Фитиль в ночнике догорал, и освещение было скудным, но Бэндзаэмон, всмотревшись в сумерки, сумел разглядеть знаменитый меч князя работы Мурамасы, лежащий на полке для мечей в *токонома*. Злоумышленник тихонько прокрался к мечу, осторожно взял его и засунул себе за пояс. Пробираясь мимо Сандзы, он перешагнул его и, взмахнув мечом, направил удар ему в горло, но от волнения его рука дрогнула, и Бэндзаэмон промахнулся, только оцарапав Сандзу. Тот, проснувшись внезапно, как от толчка, попытался вскочить на ноги, но почувствовал, что его держит человек, стоящий над ним. Сандза схватил своего врага и поборол бы его, но тут Бэндзаэмон, отскочив назад, пнул ногой ночник и, распахнув ставни настежь, выпрыгнул в сад. Схватив свой меч, Сандза устремился за ним, а его жена зажгла фонарь и, вооружившись алебардой *нагината*,⁴³ вышла из дома вместе со своим сыном Косандзой, несшим обнаженный кинжал, чтобы помочь мужу. Бэндзаэмон, который прятался в тени большой сосны, увидев фонарь и опасаясь, что его найдут, схватил камень, швырнул его на свет и, случайно попав в фонарь, погасил его, а затем перелез незамеченным через ограду и исчез в темноте. После того как Сандза безрезультатно обыскал весь сад, он вернулся в комнату и осмотрел рану, которая оказалась довольно незначительной, затем стал проверять, не унес ли вор чего-нибудь. И когда его взгляд упал на место, где лежал меч работы Мурамасы, он увидел, что меча там больше не было. Сандза искал его повсюду, но найти не мог. Драгоценное лезвие, которое ему доверил князь, было украдено, и вина определенно падет на него. Переполненные печалью и стыдом от потери, Сандза, его жена и сын пребывали в большом волнении до самого утра, когда Сандза сообщил о случившемся одному из советников князя и, уединившись, стал ждать решения господина.

⁴³ Алебарда является особым оружием японских женщин благородной крови. Та алебарда, которая принадлежала Каза Годзэн, одной из наложниц Ёсицунэ, героя XII в., до сих пор хранится в Асакусе. В семьях, придерживающихся старинных обычаев, юных дам регулярно обучают обращению с алебардой.

Вскоре стало известно, что вором был Бэндзаэмон, который сбежал из провинции. Советники доложили об этом князю, который, хотя и выразил свое презрение в отношении подлого поступка Бэндзаэмона, не мог простить вину Сандзы, полагая, что тому следовало принять более строгие меры предосторожности, чтобы обеспечить сохранность меча, который ему доверили. Было принято решение освободить Сандзу от должности, конфисковать его имущество при условии, что, если он сумеет отыскать Бэндзаэмона и вернуть украденное лезвие меча Мурамасы, его восстановят в прежних правах и вернут имущество. Сандза, который с самого начала понял, что наказание его будет суровым, безропотно принял такой указ, поручил свою жену и сына заботе родственников и стал готовиться к отбытию из провинции как *ронин* в поисках Бэндзаэмона.

Однако перед тем, как пуститься в путь, он подумал, что ему следует сходить к своему брату, офицеру Такаги Уманодзё, и посоветоваться с ним относительно того, как действовать, чтобы достичь своей цели. Но Уманодзё, грубый по натуре, встретил его враждебно и сказал:

– Верно, Бэндзаэмон – подлый трус, но ведь это из-за твоей небрежности князь лишился своего меча. Бесплезно было приходить ко мне за помощью. Ты обязательно должен получить меч обратно, и как можно быстрее.

– Ага, вижу, ты тоже мне завидуешь, потому что только я оказался прав в споре о том, работы какого мастера был меч, – отвечал Сандза. – Ты сам ничем не лучше Бэндзаэмона!

В сердце Сандзы закралась обида на брата, и он ушел из дома, приняв решение сначала убить Уманодзё, а уж потом выследить Бэндзаэмона. Притворившись, что отправился в путь, Сандза укрылся в харчевне и стал поджидать удобного случая, чтобы напасть на Уманодзё.

Однажды Уманодзё, который очень любил рыбачить, отправился со своим сыном Уманосукэ, шестнадцатилетним юношей, на берег моря. Они получали удовольствие от рыбалки, когда совершенно неожиданно заметили какого-то самурая, бегущего к ним. Через некоторое время тот приблизился, и отец с сыном узнали Сандзу. Уманодзё, подумав, что Сандза вернулся, чтобы обговорить какое-то важное дело, оставил свою удочку и пошел ему навстречу. Тогда Сандза выкрикнул:

– Ну, господин Уманодзё, обнажи свой меч и защищайся. Что?! Разве ты не хотел заодно с Бэндзаэмоном излить на меня свое презрение? Подходи, подходи ближе! Это ты воодушевил своего сообщника и ответишь за подлый проступок. Бесплезно изображать невинность, удивление на твоём лице не спасет тебя. Защищайся, трус и предатель! – С такими словами Сандза размахивал своим обнаженным мечом.

– Нет, господин Сандза, – отвечал Уманодзё, желая кротким ответом отвратить от себя его гнев, – я к этому непричастен. Не трать свою доблесть на такое пустяковое дело.

– Лжец и мошенник! – горячился Сандза. – Не думай, что можешь обмануть меня. Я знаю, у тебя сердце предателя!

И, бросившись на Уманодзё, он нанес ему рану на лбу так, что тот упал в агонии на песок.

Тем временем Уманосукэ, который рыбачил в некотором удалении от отца, бросился ему на помощь и, увидев, что тот в опасности, бросил камнем в Сандзу в надежде отвлечь его внимание, но до того, как юноша подошел, Сандза нанес смертельный удар, и Уманодзё пал замертво на берегу.

– Остановитесь, господин Сандза, убийца моего отца! – закричал Уманосукэ, обнажая свой меч. – Остановитесь и сразитесь со мной, чтобы я мог отомстить за смерть отца!

– То, что ты захотел убить врага своего отца, – произнес в ответ Сандза, – это правильно и пристойно. И хотя я был прав в ссоре с твоим отцом и убил его, как и следует самураю, все равно рад расплатиться с тобой здесь своей жизнью. Но мне моя жизнь дорога ради одной цели – наказать Бэндзаэмона и вернуть украденный меч. Когда я верну этот меч князю, тогда предоставлю тебе возможность отомстить, и ты сможешь убить меня. Слово воина верно, но, чтобы

убедить тебя в том, что выполню свое обещание, я отдам тебе в заложники свою жену и сына. Прошу тебя, опусти свою карающую руку до тех пор, пока мое желание не будет исполнено.

Уманосукэ, который был храбрым и честным юношей, столь же известный в своем клане добротой сердца, как и умением владеть оружием, услышав смиренную просьбу Сандзы, смягчился и сказал:

– Я согласен ждать и возьму в заложники твою жену и сына до твоего возвращения.

– Покорно тебя благодарю, – отвечал Сандза. – Когда я покараю Бэндзаэмона, вернусь, чтобы ты осуществил свою месть.

Итак, Сандза отправился своей дорогой в Эдо на поиски Бэндзаэмона, а Уманосукэ остался горевать на могиле отца.

А Бэндзаэмон, когда добрался до Эдо, оказался без друзей и без средств к существованию, но случайно услышал молву о Тёбэе из Бэндзуина, главе *отокодатэ*, к которому и обратился за помощью. И, вступив в братство, зарабатывал себе на жизнь уроками боевых искусств. Некоторое время он усердно работал и даже заслужил себе хорошую репутацию, когда в город пришел Сандза и принялся его разыскивать. Но шли дни и месяцы, и после года бесплодных поисков Сандза, потратив все свои деньги и не найдя ключа к местонахождению своего врага, оказался в очень стесненных обстоятельствах и был вынужден изворачиваться, занявшись предсказаниями судьбы. Хотя он постоянно трудился, ему было трудно заработать себе на каждодневную еду, и, несмотря на все старания, его месть казалась столь же далекой, как и прежде. Но тут ему пришла в голову мысль, что квартал Ёси-вара был одним из самых шумных мест в городе, и, если он затаится там, рано или поздно наверняка наткнется на Бэндзаэмона. Поэтому он купил себе шляпу *каса* из плетеного бамбука, которая полностью закрывала лицо, и затаился в квартале Ёсивара.

Однажды Бэндзаэмон и двое учеников Тёбэя, Токэн Гомбэй и Сиробэй, который за свой необузданный нрав имел прозвище Отвязанный Жеребчик, развлекались и пили вино на верхнем этаже одного чайного дома в Ёси-варе. Токэн Гомбэй, случайно выглянув из окна на улицу, увидел проходящего мимо самурая, одетого в поношенную старую одежду, которая контрастировала с его гордой и высокомерной осанкой.

– Посмотрите сюда! – сказал Гомбэй, привлекая внимание окружающих. – Посмотрите на этого самурая. Хотя грязна и изношена его одежда, но как легко увидеть, что он благородного происхождения! Мы же, *тёнины*, даже если и разоденемся в прекрасные одежды, не сможем выглядеть так, как он.

– Да! – согласился Сиробэй. – Хотелось бы мне с ним подружиться и пригласить его выпить с нами чарку вина. Однако нам, *тёнинам*, не приличествует выходить и приглашать человека его положения.

– Мы легко можем преодолеть эту трудность, – сказал Бэндзаэмон. – Так как я сам самурай, не будет ничего неуместного в том, что я пойду и перекинусь с ним парой слов и приведу его сюда.

Двое его товарищей радостно приняли это предложение. Бэндзаэмон сбежал по лестнице вниз, подошел к странному самураю, поприветствовал его и сказал:

– Прошу вас, помедлите минутку, господин самурай. Меня зову Фува Бэндзаэмон, к вашим услугам. Я – ронин и, судя по вашему виду, вы тоже. Надеюсь, вы не сочтете за грубость, если я осмелюсь попросить вас оказать нам честь своей дружбой и зайти в этот чайный дом выпить чарку вина со мной и моими друзьями.

Станный самурай, который был не кем иным, как Сандзой, поглядел на говорящего через отверстия в своей глубокой бамбуковой шляпе и, узнав своего врага Бэндзаэмона, обнажил голову и сурово произнес:

– Разве ты забыл мое лицо, Бэндзаэмон?

Какое-то мгновение Бэндзаэмон был ошеломлен, но, быстро оправившись, ответил:

– О! Господин Сандза, вы можете сердиться на меня, но с тех пор, как украл меч Мурамасы и сбежал в Эдо, я не знал ни минуты покоя. Меня мучили угрызения совести за мое преступление. Я не стану противиться вашей мести – делайте со мной все, что хотите. Возьмите мою жизнь, и пусть этим закончится наша ссора.

– Нет, убить человека, который раскаивается в своих грехах, – отвечал Сандза, – низкий и неблагородный поступок. Когда ты украл у меня меч Мурамасы, который доверил моим заботам мой господин, я был опозорен и разорен. Отдай мне этот меч, чтобы я мог положить его перед своим господином, и я пощажу твою жизнь. Я не стремлюсь убивать людей, когда в этом нет необходимости.

– Господин Сандза, я благодарен вам за милосердие. У меня нет меча при себе, но, если вы пойдете вон в тот чайный дом и подождете немного, я принесу меч и передам в ваши руки.

Сандза согласился на это предложение, и они вдвоем вошли в чайный дом, где их поджидали два товарища Бэндзаэмона. Но Бэндзаэмон, стыдясь своего дурного поступка, все еще делал вид, что Сандза ему незнаком, и представил его такими словами:

– Проходите, господин самурай. Поскольку мы имеем честь пребывать в вашей компании, позвольте мне предложить вам чарку вина.

Бэндзаэмон и двое его приятелей подносили Сандзе чарку с вином так часто, что винные пары постепенно одурманили ему голову, и он заснул. Двое *тёшинов*, увидев это, отправились прогуляться, а Бэндзаэмон, оставшись наедине со спящим, задумался, замысливая недоброе против Сандзы. Внезапно ему в голову пришла одна мысль. Бесшумно схватив меч Сандзы, который тот отложил в сторону, входя в комнату, он тихонько прокрался с ним вниз по лестнице, отнес меч на задний двор и принялся колотить и затуплять острие меча камнем. Превратив меч в бесполезную железяку, он снова вложил его в ножны и, вбежав вверх по лестнице, вернул на прежнее место, не потревожив Сандзу, который, не подозревая предательства, спал под влиянием винных паров. Наконец он проснулся и, застыдившись того, что так сильно опьянел, сказал Бэндзаэмону:

– Бэндзаэмон, мы слишком долго медлим. Отдай мне меч Мурамасы, и я пойду.

– Конечно, – отвечал тот с издевкой, – я всей душой стремлюсь вернуть его тебе, но, к несчастью, пребывая в бедности, я был вынужден отдать его в залог за пятьдесят унций серебра. Если у тебя есть при себе такие деньги, отдай их мне, а я верну тебе меч.

– Негодяй! – воскликнул Сандза, поняв, что Бэндзаэмон пытается одурачить его. – Разве я не достаточно натерпелся от тебя подлых уловок? И если не смогу получить назад меч, то вместо него положу твою голову у ног моего господина. Ну же! – добавил он, нетерпеливо притоптывая ногой. – Защищайся!

– Я готов, но не здесь, не в чайном доме. Пойдем к холму и сразимся там.

– Согласен! Не стоит навлекать неприятности на хозяина. Пойдем к холму Ёсивары.

Итак, они отправились к холму и, обнажив мечи, стали яростно сражаться. По Ёсиваре быстро распространилась весть о поединке на холме. Люди стекались посмотреть на это зрелище, и среди них были Токэн Гомбэй и Сиробэй, товарищи Бэндзаэмона. Увидев, что участники поединка – их товарищ и незнакомый самурай, они попытались вмешаться и прекратить схватку, но, сдерживаемые плотной толпой, остались зрителями. Двое отчаянно сражались, каждым двигала лютая ярость к противнику, но Сандза, который владел мечом гораздо лучше, снова и снова наносил удары, которые должны были повергнуть Бэндзаэмона наземь, но даже крови не было видно. Сандза, удивленный этим, собрал все силы и сражался так умело, что наблюдавшие аплодировали ему, а Бэндзаэмон, хотя и знал, что лезвие меча его противника затуплено, испытал такой ужас, что споткнулся и упал. Сандза, будучи храбрым воином, презрел удар по упавшему врагу и дал ему возможность встать и защищаться снова. Они снова сошлись, и теперь Сандза, который с самого начала имел преимущество, поскользнулся и упал. Бэндзаэмон же, забыв о проявленном по отношению к нему милосердии, набросился на про-

тивника с кровожадной радостью в глазах и ударил его мечом в бок, пока тот лежал на земле. Сандза потерял сознание и не мог поднять руку, чтобы спасти себе жизнь, и его малодушный враг собирался уже нанести очередной удар, когда все окружающие стали стыдить его за такую его подлость. Тогда Гомбэй и Сиробэй возвысили свои голоса:

– Держись, трус! Разве ты забыл, что тебе пощадили жизнь всего какую-то минуту назад? Ты – зверь, а не самурай! До сих пор мы были тебе товарищами, но теперь считай нас мстителями за этого храброго человека.

С этими словами оба они обнажили кинжалы, а зеваки расступились, когда они бросились на Бэндзаэмона, а тот, объятый ужасом от их свирепого вида и слов, сбежал с поля брани, не нанеся смертельного удара Сандзе. Они попытались было преследовать его, но он успел скрыться, поэтому Гомбэй и Сиробэй вернулись, чтобы помочь раненому. Когда тот пришел в себя вследствие их верного лечения, они заговорили с ним, спросили у него, из какой он провинции, предложили написать его друзьям о том, что с ним произошло. Сандза голосом, слабым от боли и потери крови, назвал им свое имя и поведал историю об украденном мече и о своей старой вражде с Бэндзаэмоном.

– Теперь, когда я дрался, – сказал он, – я неоднократно наносил удары мечом Бэндзаэмону, и без всякого результата. Как такое могло случиться?

Тогда они осмотрели меч, который выпал у него из руки и лежал рядом, и увидели, что острое сломано, а лезвие затуплено. Еще больше вознегодовали они от такой подлости Бэндзаэмона и удвоили свою доброту по отношению к Сандзе, но, несмотря на их усилия, он слабел все сильнее и сильнее до тех пор, пока не издал последнего вздоха. Они похоронили Сандзу с почестями в близлежащем храме и послали его жене и сыну письмо с описанием того, как он умер.

И вот, когда жена Сандзы, с нетерпением ожидавшая возвращения мужа, вскрыла письмо и узнала о жестоких подробностях его смерти, ее сын Косандза, которому уже исполнилось четырнадцать лет, сказал матери:

– Успокойся, мама. Я отправлюсь в Эдо, разыщу этого Бэндзаэмона, убийцу моего отца, и смогу отомстить за его смерть. Приготовь мне все, что понадобится для путешествия.

И пока они совещались о том, каким образом осуществится эта месть, к ним в дом пришел Уманосукэ, сын врага их отца. Но он пришел без каких бы то ни было враждебных намерений. Верно, Сандза убил отца Уманосукэ, но вдова и сирота были невиновны, и он не имел по отношению к ним дурных намерений, наоборот, он понимал, что Бэндзаэмон стал их общим врагом. Именно он своими дурными делами навлек на всех беды, а теперь, убив Сандзу, он лишил Уманосукэ его права отомстить. В таком настроении он обратился к Косандзе:

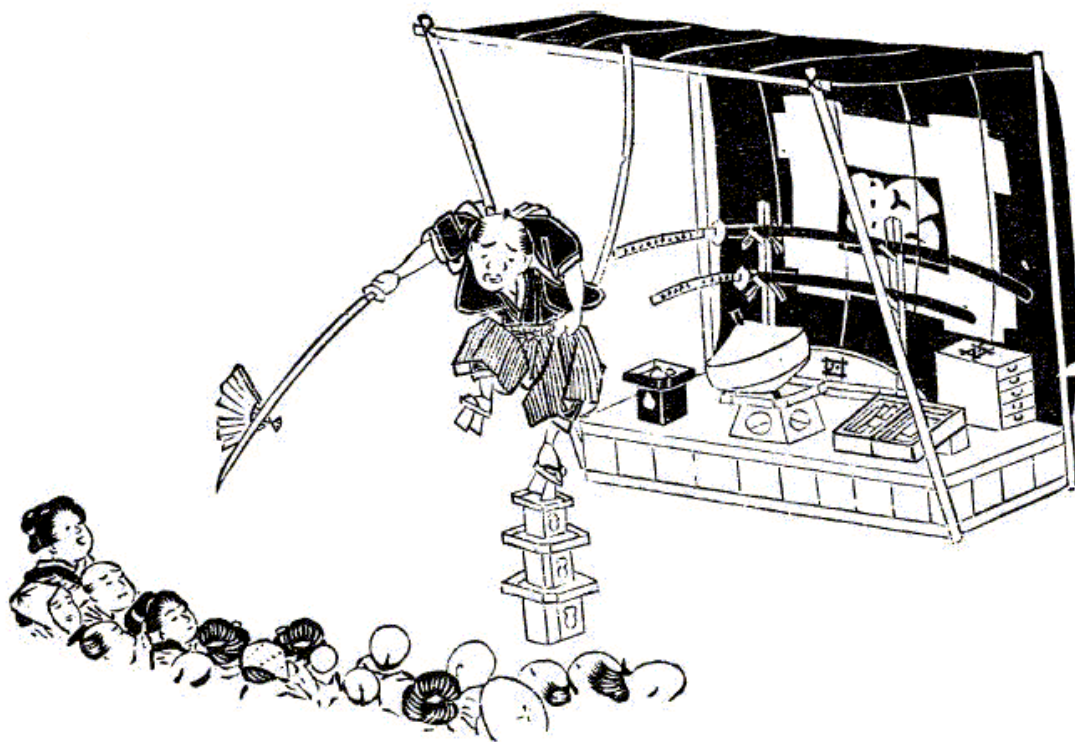
– Косандза, слышал я, что твой отец жестоко убит Бэндзаэмоном в Эдо. Я знаю, что ты будешь мстить за смерть отца, как и положено сыну и воину. И если ты примешь мои скромные услуги, я стану твоим союзником и буду помогать тебе изо всех сил. Бэндзаэмон враг мне, как и тебе.

– Нет, Уманосукэ, хотя я и благодарен тебе от всего сердца, но не могу принять от тебя такого одолжения. Мой отец Сандза убил твоего благородного отца, и то, что ты принял это несчастье, – более чем великодушно, но я не могу позволить, чтобы ты рисковал жизнью из-за меня.

– Послушай, – обратился к нему Уманосукэ, улыбнувшись, – и тебе не покажется столь странным то, что я предлагаю тебе свою помощь. В прошлом году, когда мой отец лежал, истекая кровью, на берегу, твой отец договорился со мной, что вернется, чтобы я смог отомстить, как только он вернет украденный меч. Бэндзаэмон же, убив его на холме, лишил меня этого. Кому теперь я буду мстить за смерть своего отца, как не ему, и причиной этого действительно его подлость? Поэтому я намерен идти с тобой в Эдо. И мы не вернемся домой, пока смерти наших отцов не будут полностью отмщены.

Косандза, услышав столь великодушную речь, не мог скрыть восхищения, а вдова распростерлась у ног Уманосукэ и пролиwała слезы благодарности.

Оба юноши, придя к согласию стоять друг за друга, сделали все необходимые приготовления к путешествию и получили у своего князя разрешение отправиться на поиски предателя Бэндзаэмона. Они добрались до Эдо без малейших приключений и, поселившись на дешевом постоялом дворе, принялись вести расспросы, но, хотя и искали повсюду, им так и не удалось ничего узнать о своем враге. Когда таким образом миновало три луны, Косандза впал в отчаяние от их повторяющихся неудач, но Уманосукэ поддерживал и утешал его, настаивая на новых попытках. Однако вскоре их постигла большая беда: Косандза заболел офтальмией. Ни заботливый уход друга, ни лекарства, прописанные ему лекарями, на которых Уманосукэ потратил все их деньги, не помогли заболевшему юноше, который вскоре совсем ослеп. Не имея ни друзей, ни денег, юноши – один, лишенный зрения, стал только обузой для другого – оказались брошенными на произвол судьбы. Тогда Уманосукэ, дойдя до крайней степени истощения, был вынужден вести Косандзу в Асакусу, чтобы тот просил милостыню, сидя на обочине дороги, пока он сам, странствуя поблизости, собирал все, что давали ему из милосердия те, кто видел его жалкое положение. Но, несмотря на все это, он не терял из виду цели своей мести и почти благодарил случай, который сделал его нищим, за возможность отыскивать непривычные и тайные притоны бродячей жизни, в которые при более благоприятных обстоятельствах он никогда бы ни проник. Поэтому он ходил по городу, опираясь на крепкий посох, куда спрята́л свой меч, терпеливо поджидая, когда судьба сведет его лицом к лицу с Бэндзаэмоном.

Приемы искусства владения мечом в Асакусе

Теперь, после того как убил Сандзу на холме Ёсивары, Бэндзаэмон не осмеливался показаться в доме Тёбэя, Отца *отокодатэ*, поскольку знал, что двое его бывших товарищей, Токэн Гомбэй и Сиробэй, не только распустили бы недобрый слух о нем, но даже убили бы его, попадись он к ним в руки, – так велико было их негодование по поводу его малодушного поведения. Поэтому он вступил в труппу бродячих шутов *хокэн* и зарабатывал себе на пропитание, пока-

зывая приемы искусства владения мечом и продажей порошка для чернения зубов в Окуяме, что в Асакусе.⁴⁴

Однажды, направляясь в Асакусу, чтобы заняться своим ремеслом, Бэндзаэмон случайно заметил слепого попрошайку, в котором, хотя внешний вид юноши изменился из-за нищеты, узнал сына своего врага. Он верно рассудил, что, несмотря на явно беспомощное положение юноши, это открытие не сулит ему ничего хорошего, поэтому, взобравшись на верхний этаж близлежащего чайного дома, стал наблюдать, кто придет на помощь Косандзе. Не долго ему пришлось ждать – он сразу увидел второго нищего, который подошел к слепому юноше и стал ласково говорить тому слова ободрения, а приглядевшись внимательнее, он понял, что это был Уманосукэ. Обнаружив таким образом, кто идет по его следу, Бэндзаэмон стал думать, как ему лучше убить двух нищих, поэтому он затаился и проследил их до бедной лачуги, где они проживали. И однажды вечером, зная наверняка, что Уманосукэ нет дома, он пробрался в лачугу. Слепой Косандза подумал, что пришел Уманосукэ, и вскочил, чтобы поприветствовать его, но Бэндзаэмон в своей жестокости, которую не мог тронуть даже жалкий вид юноши, нанес смертельный удар Косандзе, когда тот беспомощно протягивал руки к своему другу.

Дело еще не было кончено, когда вернулся Уманосукэ. Услышав какую-то возню в лачуге, он обнажил меч, спрятанный в посохе, и бросился внутрь, но Бэндзаэмон, воспользовавшись темнотой, ускользнул от него. Уманосукэ быстро побежал за ним, но, когда был готов вот-вот схватить Бэндзаэмона, тот, сделав выпад назад, ранил мечом Уманосукэ в бедро так, что тот споткнулся и упал, а убийца, скорый на ногу, благополучно скрылся. Раненый юноша пытался снова преследовать его, но был вынужден прекратить погоню из-за болезненности своей раны. Вернувшись домой, он обнаружил своего слепого товарища лежащим мертвым в луже крови. Проклиная свою несчастную судьбу, он позвал нищих из общины, к которой принадлежал, и они совместными усилиями похоронили Косандзу, а сам Уманосукэ, будучи слишком бедным, чтобы воспользоваться помощью хирурга или купить лекарства для исцеления своей раны, стал калекой.

Именно в это время Сираи Гонпати, который жил под покровительством Тёбэя, Отца *отокодате*, влюбился в Комурасаки, прекрасную куртизанку, которая проживала под вывеской «Побережье Трех Морей» в Ёсиваре. Он давно исчерпал свой скудный денежный запас, и теперь у него вошло в привычку подпитывать свой кошелек убийствами и грабежами, чтобы иметь средства вести необузданную и расточительную жизнь. Однажды ночью, когда он вышел, чтобы промышлять своими темными делишками, его товарищи, которые давно подозревали, что он затевает недоброе, послали Сэйбэя следить за ним. Гонпати, вовсе не подозревая, что за ним мог кто-то следить, лениво прохаживался по улицам, пока не встретился с одним *тёнином*, которого зарезал и ограбил, но добыча оказалась небольшой, поэтому он стал выжидать второго удобного случая. Увидев вдалеке движущийся свет, он спрятался в тени большой бочки для сбора дождевой воды, пока человек, несший фонарь, не подойдет поближе. Когда человек приблизился, Гонпати увидел, что тот одет как странник и носит длинный меч, поэтому он выскочил из своего укрытия и напал на него, пытаясь убить, но странник проворно отскочил в сторону и оказался достойным соперником, поскольку обнажил свой меч и стал решительно бороться за свою жизнь. Однако он не мог быть ровней такому умелому воину, как Гонпати, который после жестокой борьбы убил его и унес его кошелек, содержимое которого исчислялось двумя сотнями *рё*. Обрадованный такой богатой добычей, Гонпати направился в Ёсивару, когда к нему подошел Сэйбэй, который видел оба убийства, пришел от этого в ужас и стал укорять его за такие злые выходки. Но Гонпати был столь красноречив и столь любим своими товарищами, что легко убедил Сэйбэя замять это дело и пойти с ним вместе в Ёсивару, чтобы немного развлечься. По пути в разговоре Сэйбэй заметил Гонпати:

⁴⁴ См. примечания в конце рассказа.

– Я на днях купил новый меч, но у меня еще не было случая его опробовать. У тебя такой большой опыт, что ты наверняка хорошо разбираешься в мечах. Прошу, посмотри на этот меч и скажи, годится ли он хоть на что-либо.

– Что ж, мы скоро увидим, из какого металла он сделан, – отвечал Гонпати, – мы опробуем его на первом же попавшемся нам на пути нищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.